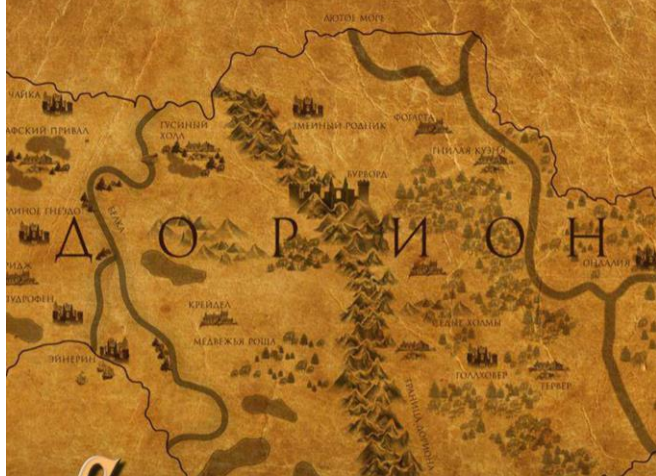

Макс Ридли КРОУ

Сага о героях
В поисках Пророка
Том I

Аннотация

Должен ли герой быть безупречным? Может ли он быть преступником, предателем, лгуном? Отряд отважных воинов отправлен на поиски Пророка, чтобы объединить союзников на пороге войны. Одни идут за прощением, другие — за мстостью. Среди них нет ни мира, ни доверия. И прошлое любого из них может встать на пути отряда. Но цель превыше всего, даже если у каждого она своя.

Макс Ридли Кроу

Сага о героях

В поисках Пророка

Том I

История Ларса

О, как же тяжело идти, когда нужно бежать со всех ног! Солнце давно уже встало, и я рисковал опоздать на службу, которой имею счастье наслаждаться с недавних пор. Но я не мог себе позволить мчаться по улице, расталкивая прохожих, как того требовали обстоятельства, и как сам того желал. Не уверен, что мог бы сделать это, даже оставаясь в неприметной одежде рядового горожанина, а уж тем более это недопустимо в идеально сидящей на мне форме капитана стражи, сшитой лучшим портным города. Металлические вставки были начищены слугой до такого блеска, что блики солнца слепили даже меня самого. Герб королевского рода украшал кожаный панцирь на груди. Форма была само совершенство, да и я в ней — неотразим.

Я свернул с центральной улицы в сторону: так можно сократить путь, не рискуя угодить под

копыта чьей-нибудь лошади. Не понимаю, почему я должен ходить пешком, тогда как могу позволить себе лошадь не только по титулу, но и по статусу? С какой это стати сын Мадока должен передвигаться подобно лакею, тогда как в столице не протолкнуться из-за обилия карет и лошадей? Ничего, нужно еще немного потерпеть, закрепиться в должности, а там на каком-нибудь званом ужине пообщаться с принцем Эдрианом. Не сможет же он проигнорировать просьбу сына героя Эйнерина.

Вот она, кривая, как старушечий палец, улица Рыбаков. Конечно, никакие рыбаки тут и рядом не валялись. Это была одна из улиц бедняцкого квартала, которого обычно сторонятся все, кто может позволить себе здесь не жить. Я бы тоже с удовольствием избежал прогулки по грязной мостовой, но не из-за опасения за свою жизнь (форма была способна защитить меня от любой напасти), а потому что здесь невозможно пройти и не запачкать ботинки. Название свое улица получила в память о мятеже, что вспыхнул около ста лет назад. Справиться с неумело организованным бунтом стражникам удалось всего за одну ночь. Был отдан приказ избавиться от тел, дабы не превращать мятежников в народных мучеников. Их сбросили в доках под пирсы. Никто ничего так и не узнал бы о судьбе бунтарей, если бы их тела не запутались в рыбацких сетях.

Никакого шума поднять не успели. Рыбаки получили прибавку к пенсии и снижение налога. Думаю, если бы не мой отец, я бы никогда не узнал об этом, и, как прочие граждане, недоумевал бы, почему в район доков ни один уважающий себя стражник не пойдет в ночное дежурство. У рыбаков свои законы, и незнание этого не спасет от участи стать кормом для рыб.

Я услышал звук распахнувшихся ставен и успел отскочить в сторону, повинуясь чуткому инстинкту, прежде чем со второго этажа вниз было выплеснуто содержимое помойного ведра. Брызги нечистот полетели во все стороны. Я поспешно принялся осматривать свою форму, но она каким-то чудом осталась незапятнанной, как и репутация моего рода. Весь гнев свой я обратил на то окно, откуда на меня было совершено дерзкое покушение.

— Эй ты! Я капитан городской стражи! У меня хватит полномочий арестовать тебя и всех жильцов этого дома!

— Поцелуй меня в зад! — услышал я в ответ.

Какая-нибудь очередная бездельница, с утра изображающая нищенку, а вечером заливающая горло дешевым пойлом на свое подаяние. Будь моя воля, я бы очистил весь город от этой гнили. Но в наших тюрьмах слишком мало места. Наверное, придется поговорить с принцем о том, чтобы

увеличить количество тюрем, или о том, чтобы чаще прибегали к смертной казни.

Прошло чуть больше полувека с тех пор, как власть поделили между собой потомки династии Ливермор и глава Церкви. Принято считать, что с этого времени удалось объединить враждующие земли под покровительством Церкви. Отчасти, так оно и есть, но порядка это не добавило ни в королевстве, ни в столице. Как по мне, это лишь прибавило проблем. Раньше жилось проще: были стражники и были горожане. Преступники нарушали закон и за это получали заслуженное наказание: тюрьма или плаха. Сейчас же жизнь простого стражника во много раз усложнилась. Кроме воров, убийц и прочего мелкого сброда появилась особая категория: государственные преступники. Под такое определение попадали все, кто сеял смуту, подвергая сомнению слово Церкви, кто призывал держаться старой веры, устраивал глупые ритуалы и пытался восстановить культ старых богов. Конечно, стражникам не могли доверить борьбу с еретиками. Для этого была создана особая сила. Инквизиторы. Страшные люди! От одного взгляда на них мурашки бегут по коже, и даже сам себя начинаешь подозревать в ереси. Мой отец недолюбливал их, мягко говоря. Он не мог открыто высказывать недовольство Церковью и ныне правящим епископом

Конседином, но я-то знал, что мой старик глубоко в душе еще живет прошлым. Конечно, я делал вид, что не знаю этого. Я родился двадцать пять лет назад, как раз в тот день, когда Конседин принял скипетр епископа из рук Хранителя церковных тайн, и мне не довелось узнать, какова была жизнь в Дорионе до того, как стали чтить пророка Лазериана. Но, судя по тому, что рассказывают легенды, жилось им веселее, чем сейчас. Не знаю, как по мне, если ничего не меняется, то можно сойти с ума от скуки.

К слову, о переменах. Я чуть было не пропустил поворот на улицу Королевской Милости. Еще одно место в нашей радостной столице, которого все стараются избегать, а все из-за этого серого здания, пугающего своей мрачностью. Дом Послушания. Детский приют, основанный при жизни покойной королевы Шарлотты. Жуткое местечко, похожее на склеп. Окна заколочены, стены обветшали, но никто не собирается ни реставрировать здание, ни сносить его окончательно. Горожане верят, что это место проклято. Конечно, Церковь бы назвала это ересью, но изловить того, кто распускает подобные сплетни, невозможно. Кажется, об этом шепчутся все, от торговца до королевского повара. Я бы не позавидовал бедняге, которому поручили бы искоренить эти слухи.

Я почти бегом преодолел пустую улицу. Пусть это и странно, но я не мог избавиться от мысли, что сквозь окна заколоченного приюта за мной кто-то следит.

Я проскользнул мимо задворок торговых лавок и очутился на площади героев Дориона, где располагались казармы стражников и, собственно, мой кабинет. У меня был кабинет! Я уже месяц занимал свою должность, но осознание собственной значимости до сих пор поднимало мне настроение. На площади, как всегда, было полно народу. Богатых и бедных бездельников развлекали уличные музыканты, со смирением прося всего одну звонкую монету за свои труды. Их скромность было легко понять: покуда музыканты отвлекали зевак, воришки обчищали их карманы и делили выручку с бродячими артистами. Заметив меня, несколько мальчишек шмыгнули в сторону. Будто мне есть до них дело! Пусть простые стражники гоняются за этими крысятами, а я не для того стал капитаном, чтобы всякой мелочью заниматься.

Я направился в одноэтажную пристройку к казармам. При входе двое часовых, приветствуя меня, прижали согнутую в локте руку к груди, сжав кисть в кулак. Этот жест был характерен только для стражи и означал единство силы и духа. Хотя, сомневаюсь, что над его глубоким смыслом кто-либо задумывался нынче.

Я прошел в свой кабинет. К сожалению, заказанная мною у плотников мебель прибудет еще нескоро, и до тех пор мне предстояло пользоваться тем, что еще помнило годы службы моего отца. Да, это был его кабинет. И пока я не избавлюсь от старья и не изменю обстановку, мне будет казаться, будто мой старик следит за мной.

— Господин Мадок!

Мои губы сами расплылись в улыбке. До чего ж приятно слышать такое обращение. Прежде так называли только моего отца. Но теперь «господин Мадок» — это я, Эйрон Мадок. Я даже не стал отчитывать вошедшего в двери парня за то, что он позволил себе войти без стука. Кажется, это Ивар. Да, точно, я запомнил его, потому что как-то столкнулся с ним... в одном месте. Впрочем, это неважно.

Опомнившись, стражник приветствовал меня, как того требует статут.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я его. — Насколько я помню, у тебя сегодня ночное дежурство вместе с...

— Бобом и Кайлом, — подсказал тот. — Так точно. Именно об этом я и пришел поговорить.

Вот как? Моему удивлению не было предела. Мое назначение встретили без особого ликования. Переход титула от отца к сыну был распространенным явлением, и все же к прежнему

капитану стражники привыкли. Рональд Мадок был их предводителем долгих двадцать восемь лет, и когда он уступил свое место мне, для многих это стало неприятным известием. Мне было плевать, если честно. Будучи капитаном, я обладал безграничной властью. И все, кто не хотел прозябать ночи напролет в дежурствах на праздники, были вынуждены если и не целовать мои сапоги, то, как минимум, изображать почтение. Но еще никто не приходил в мой кабинет поговорить. Надо же, приятная неожиданность. Я мысленно в списке своих подчиненных поставил положительную галочку напротив имени Ивара.

— Так все же, о чем речь? — я заложил руки за спину, как это часто делал мой отец, когда вызывал меня на серьезный разговор.

— Я бы хотел поменяться сменой с кем-нибудь, — прямо сказал тот.

Я даже не успел перехватить движение своих бровей, прежде чем они выдали мое удивление таким заявлением.

— Поменяться? — на всякий случай переспросил я. — И какова же причина?

— Это личная причина, — глядя мне в глаза, сказал он. — В статуте указано, что при наличии весомой личной причины, стражник имеет право поменяться дежурством с кем-либо.

Это правда, я последнее время только и делал,

что изучал этот статут, чтобы как-то скоротать свои дни на службе. В параграфе двадцать четвертом были перечислены причины, по которым дежурство могло передаваться от стражника к стражнику. Среди прочих была указана «весомая личная причина». Очень непродуманный пункт, который я считал абсолютно лишним. Вероятно, речь шла о свадьбе или похоронах, но почему-то это не было указано. Что ж, пока нет повода для недовольства.

— Если я не ошибаюсь, в том же параграфе статута указано, что стражники могут обмениваться дежурствами самостоятельно, заверив свое решение у капитана, — произнес я, стараясь, чтобы голос мой звучал важно. — Найди того, кто согласится, и приходи вместе с ним.

— Я потому и здесь, — с вызывающей прямоотой сказал он. — Не нашел никого, кто захотел бы поменяться.

Я скрестил руки на груди, даже не скрывая своего недоумения. Пока что наш разговор был бессмысленным и напоминал какую-то глупую детскую игру, в которой один игрок должен угадать, что хочет сказать другой.

— Так если ты никого не нашел, значит, сам отправляешься на дежурство, — медленно и внятно произнес я, надеясь, что слова мои будут иметь успех.

— Я так не думаю, — покачал головой Ивар.

Мне не понравился его взгляд. Будучи еще ребенком, я приказал слуге выполнить за меня задание, оставленное моим отцом, и пригрозил, что в противном случае побеспокоюсь о его увольнении. Тот слуга тогда посмотрел на меня в точности, как теперь — Ивар. Когда же я был наказан моим отцом и просидел всю ночь в чулане, мне стал понятен смысл этого взгляда.

Сомневаюсь, что Ивар станет жаловаться моему отцу, это было бы несколько странно, учитывая, что именно я являюсь капитаном стражи, и все же было в его уверенности что-то настораживающее.

— И в каком районе ты должен дежурить? — уточнил я, пытаюсь придумать, как избавиться от назойливого парня.

— В Доках, — был ответ.

Я хмыкнул. Почему же меня не удивляет, что никто не согласился поменяться? Выбирая дежурных для этого района, я, как и мой отец, руководствовался здравым смыслом. Провести ночь в Доках и выжить имеют шанс только те, кто там родился или завел какие-то дела с местными. На это закрываются глаза, поскольку в противном случае стражники очень быстро перевелись бы.

— Что же ты предлагаешь? — спросил я. — Согласно все тому же параграфу, я не имею права приказать кому-то поменяться с тобой.

— Я знаю, — спокойно подтвердил Ивар. — Именно поэтому я к вам и пришел. Полагаю, меня бы могли заменить вы.

Мне показалось, что в какой-то момент слух решил подвести меня, и я услышал то, что попросту не мог слышать. Но, судя по тому, как Ивар продолжал смотреть на меня, я не ошибся. Он только что предложил мне пойти вместо него на ночное дежурство.

— Ты в своем уме? — я даже не стал сердиться, настолько нелепым было его предложение. — Я твой капитан, с какой это стати...

— Ваш отец выходил на ночные дежурства, — заметил он.

— Мой отец великий человек, — согласился я. — Более того, даже я дежурил несколько ночей...

— На Дворцовой площади, — подсказал Ивар. Парень начал меня всерьез раздражать. Я сощурился, давая ему понять, насколько сильно меня не устраивает его общество. Странно, но мой грозный взгляд остался без внимания.

— Капитан стражи имеет право сам выбирать, где нести дежурство, — процедил я сквозь зубы.

С какого рожная должен перед ним оправдываться? Я мысленно зачеркнул положительную галочку напротив имени этого стражника и поставил там огромный жирный

«минус». Надо будет с ним разобраться.

— Господин Мадок, — он сделал шаг вперед, — я полагаю, вы с большей готовностью пойдете мне навстречу, если я скажу, что ваш маленький секрет останется только между нами.

— Мой секрет?

Я нехстати вспомнил то место, где мы столкнулись с Иваром. Это было возле сгоревшей псарни на окраине города. Новая псарня для бойцовских собак, входивших в число королевской армии, была отстроена в другом районе, а старое здание осталось черной обуглившейся коробкой. Это было мое тайное место. Люди в тех краях бывали нечасто, а от моего дома окольными путями можно было добраться к нему очень быстро. Там был мой тайник. Как раз под каменной статуей, изображающей собаку в стойке. Я почувствовал, как ладони становятся холодными и влажными, но попытался успокоить себя: откуда стражнику знать мой секрет?

— Твои слова лишены смысла, — сказал я. — Предлагаю закончить этот разговор...

— Вы представляете, какой был бы скандал, если бы все узнали, что начальник городской стражи — вор?

Мне хватило сил не дернуться и не посмотреть на Ивара, чтобы не выдать того, насколько плохо я себя почувствовал. Нет, это

какая-то ошибка.

— Ты знаешь, какое наказание за поклеп? — спросил я, очень надеясь, что мой голос не дрожит.

— Конечно, — с готовностью подтвердил Ивар. — Но только если не подкрепить свои слова доказательствами.

— Какими? — не сдержавшись, крикнул я.

— Я отведу вашего отца к тайнику, — совершенно спокойно ответил он. — Предъявив немедленно обвинение в воровстве, я имею право задержать вас, и ребята-часовые помогут. Конечно, в случае, если я ошибусь, мое наказание будет очень суровым. Но мы оба знаем, что я не ошибаюсь.

— Ты не сможешь доказать, что это мое.

— Так давайте же проверим.

Я затравленно огляделся. Сейчас мне особо остро казалось, что отец следит за мной из того дубового шкафа, смотрит сквозь этот гобелен. Меня преследовало чувство, что он в любой момент может объявиться в кабинете, и тогда моя жизнь превратится в один сплошной кошмар, по сравнению с которым провести ночь в Доме Послушания — это детская забава.

Возможно, Ивар не знал всего, но он сумел попасть в мою болевую точку. Я бы мог обмануть кого угодно, но не отца. Рональд Мадок знал постыдную слабость своего сына. Он поймал меня,

когда мне было десять лет, возле моего первого тайника. Тогда я еще полагал, что сундук под кроватью — это надежное место для всякого рода секретов. Мой отец нашел несколько вещей, что пропали из домов, где мы бывали на званых ужинах: золотую вилку, брошь, драгоценный камень из глазницы статуэтке. Он жестоко наказал меня, и, конечно, велел выбросить сундук. Отец не стал требовать, чтобы я вернул эти вещи, но не потому, что пожалел меня, а потому что о моем позоре не должен был никто узнать. С тех пор мне удавалось скрывать от него свое увлечение, и я полагал, что делаю это хорошо. Я клялся себе, что прекращу этим заниматься, но был бессилен против этой... кхм, привычки. Риск щекотал нервы. Заняв пост капитана стражи, я твердо решил покончить со своим неподобающим пристрастием и сорвался всего один раз. Будь проклята эта чернильница из королевской канцелярии, где засвидетельствовали передачу должности от отца мне.

— Так что насчет дежурства?

Я повернулся к нему. Теперь я знал, почему Ивар смотрел на меня с чувством превосходства. Что ж, он победил, но у меня еще оставалась возможность сохранить остатки гордости.

— И как же воспримут прочие стражники, что капитан вышел на ночное дежурство в Доки? — поинтересовался я.

— Превосходно, — сказал он. — Я могу сказать им, что вы решили выручить меня в назидание прочим. Это поднимет вас в их глазах.

— Поднимет? — усмехнулся я.

Ивар настолько втоптал меня в грязь, что мне уже не было смысла изображать из себя слепца. Я обошел стол и опустился в кресло. Сейчас оно казалось мне особенно неудобным.

— Меня все презирают, верно?

— Я бы не сказал, что это верное слово, — ответил Ивар. — Скорее, вас сравнивают с вашим отцом, и сравнение это не в вашу пользу.

— Я пробыл здесь всего месяц, — меня одолела такая усталость, что хотелось немедленно послать все к бешеным псам и уснуть.

— Неважно, сколько вы пробыли, господин Мадок, — сдержанно ответил он. — Всем известно, как вы получили эту должность. Ваш отец прослужил десять лет в страже, прежде чем стать капитаном, а вы пробыли при отце несколько лет и получили капитанское звание. За глаза мы называем вас Ларсом.

Очаровательно, а я уж думал, что нажрался дерьмом сполна, но оказалось, что недостаточно. Ларс — это не просто прозвище. Это имя короля, правившего задолго до нынешнего принца. Он был настолько мягкотелым и глупым, что за него все решения приходилось принимать его жене и

советнику. И хоть страна процветала благодаря их стараниям, монархия в тот период утратила былое уважение. С облегчением народ вздохнул лишь с приходом к власти сына Ларса, который был не только прекрасным королем, но и достойным человеком, он сумел вернуть значимость короне. Впрочем, неудачный опыт не был забыт людьми, и имя горе-правителя стало чем-то вроде оскорбления. Так называли человека, не справляющегося со своими обязанностями, незаслуженно получившего титул. Даже появилось выражение «Сменить Ларса» — то есть прийти на чье-то место и исправить ошибки предшественника.

Не слишком-то приятно было узнать, что меня считают таким же неудачником и ничтожеством, с которым необходимо смириться, как с холодами, и постараться переждать до оттепели. Боюсь, что тень отца, героя столицы и отважного капитана стражи, навсегда нависла надо мной. Что ж, так тому и быть.

— Со временем привыкнете ко мне, — сказал я вслух.

— Я бы на вашем месте не слишком на это рассчитывал, — возразил Ивар. — Посмотрите на меня, господин Мадок. Мне тридцать шесть лет, у меня трое детей, и я служу в страже, чтобы иметь возможность их прокормить. Поверьте, я такой не один. И вдруг над нами ставят сопливого

мальчишку, которому даже форму помогает надеть слуга.

Хм, ну про слугу-то, я надеюсь, он просто угадал. Иначе я поверю, что он следит за мной, а эта мысль кажется мне пугающей. Я не стал говорить вслух, насколько мне плевать на то, как ко мне относятся неудачники, которые за всю свою жизнь не смогли добиться ничего, что можно было бы передать по наследству своим детям. Думаю, Ивар это тоже прекрасно понимал, просто решил высказаться, пока находится в выигрышном положении и ничем не рискует. Что ж, я буду благороден и прощу ему эту выходку.

— Значит, ты расскажешь всем, что я тебе помог? — уточнил я. — И никакого упоминания о псарне?

— Не думаю, что сгоревшая псарня заслуживает того, чтобы упоминать ее в разговорах, — он пожал плечами.

Отлично, мы друг друга поняли. Остается только надеяться, что отец не станет допрашивать меня, по какой причине его сын отправляется на ночное дежурство в Доки. Единственный способ избежать этого — не возвращаться домой. Потом я смогу что-нибудь придумать, но пока лучше не вызывать подозрений. Ивар дождался того, чтобы я в журнале заменил его имя своим и подкрепил замену печатью, и лишь после этого вышел из

моего кабинета.

Я не стал тратить время зря и отправился к сгоревшей псарне. Мне предстояла тяжелая ночь, но я предпочел отложить размышления об этом и сосредоточиться на более важных вещах. Найти новый тайник — вот, что было необходимо сделать. Миновав площадь, я вновь пошел задворками, рассчитывая не только сократить путь, но и не встретить ни одного знакомого лица. Меня слишком разозлил поступок Ивара, потому я опасался, что мне не хватит терпения быть любезным.

Значит, они называют меня Ларсом. Превосходно. В таком случае, мне будет еще проще. Когда тебя уже презирают, нет нужды изображать, что мне есть до них дело. Пусть бесятся, но это я буду ужинать с принцем, и это мой сын унаследует должность капитана стражи.

Я не заметил, как добрался до улицы Семи Песен. Это с приходом нынешнего епископа улица получила такое название. Прежде она именовалась улицей Семи Поцелуев. Подозреваю, что до епископа не донесли смысл этих слов, иначе бы он придумал какое-нибудь другое название. Здесь были бордели. Вернее, конечно, с виду это были цирюльни, лавка благовоний и парочка трактиров, но все горожане прекрасно знали, что их ждет за дверью. Местные мастерицы славились тем, что за

семь поцелуев способны превознести своих клиентов на вершину блаженства. Скажу откровенно, я однажды решил проверить, так ли это. Но не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, действительно ли поцелуев только семь. О счете было тяжело думать. Так или иначе, но прежнее название в новой интерпретации вызывало у старожилов только смех. Конечно, из почтения к Церкви (а точнее, из страха), улыбки приходилось прятать. И проститутки теперь могли говорить, что их поцелуи отнесут на небеса, как семь церковных песен.

Днем здесь почти всегда пусто, хотя несколько дежурных девушек стояли в тени сухого дерева, о чем-то переговариваясь и бросая ленивые взгляды по сторонам. Есть некоторые клиенты, что приходят сюда днем. Заметив меня, вернее, мою форму, мастерицы напряглись. Изредка даже у них бывают неприятности со стражей. Но прошел миг узнавания, и девушки расплылись в приветливых улыбках.

— Эй, красавчик! Не заскучал?

— Когда наведишь?

— Мои булочки тоскуют по тебе!

— Как и мои дыньки!

Я махнул в их сторону рукой, даже не оглядываясь. Нет, я не был у них частым гостем. Просто так уж сложилось, что меня тяжело забыть.

И не потому, что я, абсолютно пьяный, в компании таких же хмельных приятелей ввалился в их дом и высыпал на стол столько золотых, сколько они не зарабатывают за месяц. А потому что я был сыном капитана стражи, уважаемого человека и героя. Известные люди, ставшие клиентами, поднимают престиж борделя. Вот и мое имя сыграло им на руку. Хотя от отца я тогда выслушал очень многое.

Стараясь больше не столкнуться ни с кем знакомым, я добрался до сгоревшей псарни. Жуткое местечко не для слабонервных людей. Поговаривают, будто в безлунные ночи до сих пор слышен жуткий вой собак, что сгорают заживо. Живущие по соседству пожилые дамы часто жалуются на мигрень или бессонницу, объясняя это тем, что «собаки выли всю ночь, не давая уснуть». Это, конечно, полная чушь. Наш дом стоит неподалеку отсюда, поскольку до пожара это был один из хороших районов города. Окна моей спальни выходят на пожарище, и честно могу сказать: никакого воя я по ночам не слышал.

Нетронутой огнем осталась лишь каменная статуя, изображающая плосконосую собаку с мощной челюстью. Говорят, хватку королевской собаки нельзя разжать, и отпустит свою жертву это животное, только услышав команду хозяина. Если же собаку убить, ее челюсть сведет судорогой, и избавиться от клыкастого капкана будет

практически невозможно.

Отодвинув в сторону пучок сухой травы, я раскопал рыхлую землю плоским камнем, похожим на лопату, и достал мой сундучок. Он был на вид совсем прост, но основная ценность его была не во внешней привлекательности. Я купил его у старого торговца, что возит малые партии интересных вещей из-за моря. Этот сундучок был сделан в землях Сармантии. Конечно, еще в те времена, когда местным жителям было дело до настоящего искусства. Сейчас-то их больше заботит собственное выживание. Подозреваю, что вскоре на территории некогда грозного соперника Дориона не останется ни одного сармантийца, который был бы жив, и при этом свободен. Беженцы расплозились как тараканы по всему свету, утратив свое величие и превратившись в слуг, попрошаек, нищих, проституток и бандитов. Но, тем не менее, сундучок мой служил доказательством того, что прежде Сармантия славилась талантливыми ремесленниками. Дерево было обработано особым составом, защищающим от влаги и огня, а замок невозможно было взломать. Я убедился, что никого поблизости нет, снял с шеи цепочку с ключом и открыл сундук. Мои сокровища были передо мной. Нет, я не смог бы избавиться от них, даже если бы это было необходимо. Вот гребень из слоновой кости. Я взял его на туалетном столике тетушки

Дафны около полугода назад. Этот гребень подарила ей моя мать на свадьбу. А этот золотой кулон, который я позаимствовал у одной пышной дамы на очередном званом ужине, напоминал татуировку, которая была на плече моей няньки. Об этой татуировке не знал никто, кроме меня: девушка всегда прикрывала плечи. Мне было пять лет, и я случайно увидел ее обнаженной, когда та мылась. Тогда я ничего не понял, и удивился, что нянька так испугалась. Я рассказал обо всем отцу, и он успокоил меня, что ничего страшного не произошло. Но в тот же вечер нянька исчезла. Уволил ли ее отец, или она сбежала сама — я не знаю. Только много лет спустя я узнал, что подобные татуировки — это символ знатных родов Сармантии. Вероятно, бедняжка скрывалась здесь от своего прошлого, в надежде спастись от расправы: в последнее время среди знатных сармантийцев повисила смертность.

Так или иначе, но все, что было в этом сундуке, имело для меня ценность, и я не собирался расставаться ни с чем. Я направился на окраину города в Скорбную Рощу. Так называлось кладбище, которое и впрямь некогда располагалось в роще, пока город не расширился и не поглотил окружающие леса. Сонный сторож лениво скользнул по мне взглядом и ничего не сказал. Поступок мой едва ли можно было назвать

хорошим, но больше мне некому было доверить свою тайну. Я прошел вдоль рядов величественных серых памятников к стоящим в стороне склепам. Этот, перед входом которого стояла высеченная из камня печальная дева, принадлежал моей семье. Здесь были похоронены четыре поколения Мадоков. А еще здесь была могила моей матери.

Я открыл дверь и вошел внутрь. Этот запах сырости и пыли ни с чем нельзя спутать. Высеченные надписи почти стерлись с каменных плит, и лишь на одной буквы оставались все такими же четкими. Испытывая странное щемящее чувство, я прикоснулся к табличке, как того требовал обычай, и как я сам желал. Наверное, это глупо — скучать по женщине, которую даже не помнишь. Мне было два года, когда ее не стало. Отец говорил о несчастном случае на охоте. По его же словам, мама была против убийства животных ради развлечения. Ума не приложу, как тогда она очутилась среди охотников. Отец почти не рассказывал мне о матери, только непременно сообщал, что она любила меня. Что ж, и на том спасибо. Но почему тогда в доме не было ничего, что напоминало бы о ней? Ни портрета, ни каких-то безделушек. Все, что осталось мне на память, это гребень, украденный у тетки, да каменная табличка в семейном склепе.

Я мысленно принес своей покойной матушке

извинения за беспокойство, присел и потянул на себя крупный кирпич из стены. Когда-то в детстве я обнаружил эту нишу. Поначалу никому не сообщал о ней, потому что думал, что дух моей матери сквозь это отверстие сможет покинуть могилу и явиться ко мне. Глупо, понимаю, но я был ребенком. Теперь же ниша могла оказаться действительно полезной. Убрав тяжелый камень в сторону, я поместил в углубление в стене свой сундук и задвинул камень обратно. Он встал неровно и немного выпирал, но, думаю, никто этого не заметит. Отец нечасто наведывался сюда. Пока мне не исполнилось двенадцать, мы бывали здесь на каждую годовщину смерти мамы, а потом этот обычай покинул нашу семью.

Надеюсь, мое сокровище никто не потревожит. Во всяком случае, пока жив наш род. С чувством выполненного долга я вернулся обратно на службу. Меня ожидало несколько рапортов о задержании воров и даже одного разыскиваемого убийцы. Я поставил свою подпись везде, где только было необходимо, разобравшись с этим нелегким делом меньше чем за час. Затем я закрыл дверь, сказав, что беспокоить меня можно будет только по очень веской причине, и лег спать прямо в кресле.

Проснулся я самостоятельно уже на закате. До дежурства оставалось пару часов. Мне как раз хватит, чтобы стряхнуть с себя сон и проверить, все

ли готово. Я прикрепил на пояс два меча в ножнах. Справа был боевой меч, пользоваться которым следовало в крайних случаях. Слева — меч затупленный. Его использовали в основном для устрашения, для обезоруживания противника и для того, чтобы избежать множественных смертей при аресте. Если кто-то пострадал от заостренного оружия, объяснительных нужно было написать столько, что бумаги в канцелярии не хватит.

Я открыл дверь и вышел на улицу. Воздух был уже прохладным. Осенью холода наступают быстро, стоит только солнцу скрыться. Неподалеку от казармы я заметил Боба и Кайла. Они о чем-то негромко переговаривались. Я направился к ним.

— Представляешь, десять ударов в спину ножом, — донесся до меня голос Кайла. — А скажут, что умер своей смертью.

— Ага, поскользнулся и упал, — мрачно усмехнулся его собеседник. — Кому какое дело? Он же сармантиец.

— А я слышал, дорионец, — с сомнением протянул Кайл.

— Уши прочисти. То был грязный сармантиец, я тебе говорю.

Я подошел достаточно близко, чтобы они смогли меня заметить. Глаза Кайла заметно округлились. Боб обернулся и удивленно крикнул.

— Господин Мадок! — в один голос

приветствовали они меня.

— Готовы к дежурству? — спросил я, чтобы не стоять молча посреди пустеющей площади.

Мне почему-то казалось, что из темных окон казармы на нас сейчас смотрят все стражники.

— Д-да, — запнувшись, ответил Боб. — Ивар сказал, что вы подмените его, но мы не...

— Не думали, что я действительно пойду, — догадался я. — Но, видите ли, я капитан стражи, и это мой долг. Пойдемте. Ночь длинная, нет смысла стоять на месте.

Я пошел чуть вперед, демонстративно надевая беспальные перчатки из тончайшей кожи. Я знал, что никто из них не смог бы позволить себе даже одну такую перчатку, не с доходом стражника. Но так рукоять меча не будет скользить в ладони, и хватка будет надежнее. Пусть видят, что я готов не просто отбыть дежурство, но и действовать в случае необходимости.

Мы пересекли площадь и по длинной узкой улочке дошли до ворот. Их закрывали только на случай войны, сейчас же путь был свободен. Я первым переступил границу.

Доки. Это государство в столице государства. Только пройдя под каменной аркой, начинаешь острее чувствовать соленый морской воздух, к которому привык в центре города. Дома здесь были трехэтажные, и жили в них по несколько

семей, хотя, если верить слухам, каждый мог бы позволить себе отдельное жилище. Но так уж в Доках было принято, жить общинами. Кроме уклонения от налогов, здесь процветала контрабанда. Половина, если не больше, пришедшего из-за моря товара оседала здесь, чтобы затем разойтись по местным лавкам по завышенным ценам. Подозреваю, что без влиятельных покровителей при дворе здесь не обходилось, но все же я имел надежду, что однажды смогу очистить эту выгребную яму. В конце концов, кто-то должен это сделать. Быть может, тогда обо мне заговорят не в меньшей степени, чем о моем отце.

На улицах было немного людей, но все же они были. При нашем появлении стихали разговоры, нас провожали цепкими взглядами. Очень неприятное ощущение, когда так смотрят в спину.

Я шел впереди и сам выбирал маршрут. Кайл и Боб чуть отставали. Не знаю, о чем перешептывались эти двое, но меня в свой разговор они приглашать не собирались. Плевать. Ночь — это не вечность. А на утро я позабочусь о том, чтобы никогда больше мне не пришлось выходить на дежурство в Доки. Мимо прошел какой-то здоровяк, толкнув меня плечом. Я развернулся, готовый крикнуть ему то, что я о нем думаю, но решил этого не делать. Здравый смысл подсказал

мне, что это было не случайно, и, возможно, дружки здоровяка только и ждут где-то за углом команды: «Бей стражников!»

Район Доков был отделен от центра города высокой стеной. Когда враги атаквали столицу с моря, так было проще держать оборону. Мы какое-то время шли вдоль каменной стены, а затем свернули вглубь района. Прошло всего два часа, а мне показалось, что я уже начал стареть. Интересно, какие дела с местными у Кайла и Боба? Просто ли получают они несколько монет в карман, или сами участвуют в чем-то? Надо будет поинтересоваться у отца, вдруг ему известно.

Мы свернули в очередной закоулок. Сердце предупреждающе кольнуло. Я всегда знал, что интуиция у меня развита лучше, чем мозги. Ноги уже собирались унести меня из этого темного места, но не успели. Передо мной возник низкорослый пузатый крепыш. Его широкое, как свиное рыло, лицо покрывала длинная щетина, а глаза из-за оплывших век казались почти незаметными. На груди у него болталось с десятков золотых цепей, и на коротких пальцах я успел заметить несколько перстней. Я оглянулся. Кайл и Боб остановились у меня за спиной, испуганно озираясь. Нас окружило человек десять. Каждый был занят своим делом, будто и не происходит ничего особенного. Кто-то подбрасывал монетку,

кто-то полировал пуговицы. Но я прекрасно понимал, что они ждут команды.

— Ты! — ткнул в мою сторону пузатый коротышка. — Это ты, что ли, сынок Мадока?

Я немного удивился. Откровенно говоря, я думал, что нас хотят побить за то, что мы стражники, дежурящие не в то время не в том месте. И никак не ожидал, что кто-то захочет пообщаться лично со мной.

— Ну, допустим, — ответил я. — И что с того?

— «Ну, допустим», — передразнил он меня. — Ты мне тут не дерзи. Значит, ты. Что ж, разговор есть.

— Говори, — пожал я плечами.

Пока что наш диалог не казался мне угрожающим. Может, сделку какую-то предложить хочет? Посмотрим, посмотрим.

— Твой папашка хороший человек, — неожиданно сказал коротышка. — И капитан толковый. У нас его уважали.

— Благодарю, я передам ему теплые слова, — сдержанно сказал я.

— Да заткнись ты, — рявкнул он на меня. — Говорю, отца твоего уважали, да не тебя. Не одобряет тебя наша община, понял?

Если честно, я, конечно, понял, к чему он клонит. Да что толку? Все, что я мог постараться

сделать, это мирно выйти из ситуации, по возможности, живым.

— Мне искренне жаль, — спокойно сказал я, — но сомневаюсь, что это имеет какое-то значение. Взаимоотношения наши не изменятся, я полностью буду следовать правилам своего отца. Думаю, все останутся довольны.

— Довольны, говоришь, — цыкнул он зубом. — Я так не думаю. Иначе бы меня не прислали поговорить с тобой.

— А кто прислал? — поинтересовался я.

— Не твое дело. В добрую память о твоём отце предлагаю тебе, парень, по-хорошему уйти. Вернется ли твой батя, или кого другого назначат — мне без разницы. Но ты нам не подходишь, крошка.

Я почувствовал, как тяжелеют у меня ноги, словно превращаясь в камень. Колени стали ватными, и мне стоило немалого труда продолжать стоять, гордо распрямив плечи. Только дурак бы не понял, что мне не оставили выбора. Возможно, я уступил бы, не будь у меня такого паршивого дня. И если бы за моей спиной не стояли двое свидетелей, которые тут же разнесут новость о том, как капитан наложил в штаны при встрече с обычным бандитом из доков. Пусть печати и подписи составляли большую часть моей теперешней работы, но я оставался стражем

порядка, и не имел никакого права уступить. Достаточно было представить разочарование на лице отца, когда бы я сообщил, что ухожу с поста, чтобы встреча с ночными головорезами показалась чем-то, не заслуживающим внимания.

— Боюсь, что я не согласен с вашим мнением, — сказал я.

Кажется, коротышка удивился. Он нахмурился и кивнул кому-то. Ближе подошел один из тех парней, что прятался в тени. Молодчик был на голову выше меня, худой и сутулый. Он зловеще продемонстрировал мне пугающих размеров нож и, омерзительно ослабившись, сказал:

— Подумай еще. Мне даже жалко будет портить такую милую мордашку! Я тебя разрежу отсюда досюда, — он провел тупой частью ножа через все свое лицо. — Бабы любить не будут.

— Господин Мадок, — услышал я за спиной голос Боба. — Вы, может, согласитесь? Чего умирать-то?

— Никто и не собирается умирать, — ответил я. — Как и оставлять место капитана.

— Дураков не лечим, — фыркнул коротышка.

Я заметил, как дернулась рука того, кто угрожал мне ножом. Мне хочется думать, что я не лишился рассудка от страха, а действовал, руководствуясь здравым смыслом. Увы, я не мог быть в этом уверен. Так или иначе, но прежде, чем

мне что-то помешало, я выхватил меч из правых ножен и ударил. Отрубленная кисть с ножом отлетела в сторону, а парень заверещал и повалился на землю. Я увидел, как изменилось лицо крепыша. Все, кто окружал нас, теперь стояли и смотрели на катающегося по земле соратника, истекающего кровью.

— Нет! Нет, Бэтан! — крикнул Кайл у меня за спиной.

Я не успел задуматься над этим, поскольку, перекрикивая его, завопил коротышка:

— Руби гадов!

Оставшиеся девять человек прыгнули к нам. В их руках я видел мечи, сабли и ножи. Отлично. Если мне не изменяет память, этот длинный меч — оружие шраванцев, а вот эта сабля прибыла с севера. Меня собираются зарубить контрабандным товаром, какой позор! Благо, отец всегда полагал, что ребенок должен быть настолько занят, чтобы не приходило в голову требовать внимания от своего родителя. А потому если я не спал и не ел, то учился. Кроме наук совершенно бесполезных, я изучил мастерство фехтования. Отец посчитал мое обучение завершенным, только когда после тренировки мой учитель попал к лекарю. Спасти жизнь ему удалось, но к нам в дом он больше не вернулся. Если не считать тренировочных боев, мне никогда прежде не приходилось сражаться. Во

всяком случае, не ради спасения своей жизни. Я думал, это окажется сложнее, но в принципе, настоящий бой почти не отличался от учебного. И противники у меня были не мастерами. Я услышал хрип позади себя и обернулся. Боб упал на колени, держась за бок. Кайл получил удар эфесом между глаз и рухнул на спину. Все, кто остался, повернулись ко мне. Восемь, сейчас их стало восемь, потому что одного из них я успел ткнуть мечом.

— Ты даже не представляешь, во что ввязался, щенок, — процедил коротышка. — Мы думали тебя напугать, но теперь ты смертник, понял? Кончайте его, парни, и отправляйте на дно. Шума нам не надо.

Двое прыгнули ко мне, я уклонился. Заскрежетал металл, когда сабля проехала по мечу. Я неплохой фехтовальщик, но в одиночку геройствовать не собирался. Оттолкнув одного из нападающих, я выскочил на соседнюю улицу и помчался вперед. Ни одной живой души. Значит, ни одного свидетеля. Как удобно! Путь к воротам мне был отрезан преследующими меня разбойниками. Я прибавил шаг. В Доках я плохо ориентировался. Знал только, что пирсы находятся напротив ворот, и что туда никто в здравом уме не сунется. Никто, кроме меня. Форма была невероятно тяжелой и неудобной. Видимо, никому не пришло в голову,

что в ней невозможно бегать. Непростительное упущение.

Я перепрыгнул через широкую лужу и снова свернул. Не зная дороги, уйти от тех, кто вырос в этом районе, казалось делом безнадежным. Путь мне перегородили сложенные деревянные ящики. Я, как кот, которого преследует свора собак, перемахнул через них, даже не заметив, и очутился у самого моря. У причала отдыхали крупные торговые суда и крошечные рыбацкие лодки. Я оглянулся. Те, кто жаждал моей крови, были близко. Особого выбора не было, и я помчался туда, где на фоне звездного неба стоял шраванский четырехмачтовый хаджан. Я слышал тихий плеск волн, стук, с которым лодки соприкасаются бортами, и шорох сетей. Мне совершенно не хотелось, чтобы мое тело на утро выловили рыбаки, и я еще прибавил шагу.

— Вот он! Я перехвачу!

Этот крик за спиной подстегнул меня точно хлыстом. Я перепрыгнул через привязанную лодку и приземлился на причал. Настоящую панику я испытал, когда увидел вдалеке спущенный трап и небольшую толпу людей, стоящих рядом с ним. Конечно, это могли быть шраванцы или кто угодно, но если это был кто-то из местных, я мог смело начинать прощаться с жизнью. Те девятеро преследователей плюс эта толпа — судьба просто

не оставила мне шанса. Здесь было темно, преследователи пока не заметили меня, и вокруг стояло столько лодок, что я решил рискнуть. Схватившись за край причала, бесшумно спрыгнул в воду, не поднимая брызг. Только качнулась ближайшая лодка. Тяжелая форма стражника намочила и сковала словно цепи. Я ухватился за скользкий деревянный столб, поросший мягкими водорослями и острыми ракушками. Послышался топот множества ног у меня над головой. Я закрыл рот, стараясь не дышать. Сквозь доски я видел подошвы сапог своих преследователей. Они остановились.

— Куда он пропал?

— Вот дерьмо, Бэтан шкуру с нас спустит!

— Надо было сразу прирезать, а не затевать эти песни.

— Уговор был напугать, а не убить, дубина. Теперь мальчишка покойник. Даже если выберется сегодня.

Я следил за ними, подняв голову и затаив дыхание. Постепенно в моей голове, взмокшей после пробежки, стала проявляться четкая картина: внезапный отказ Ивара от дежурства и мирное начало разговора с главарем банды, а так же то, что мои напарники знали этого Бэтана. Подозреваю, я нарушил гениальный план по избавлению от неугодного капитана — то есть меня. Что ж, думаю,

утром мне предстоит очень серьезное разбирательство с Иваром.

— Эй, вы! Проваливайте!

От шраванского корабля в сторону бандитов направились двое, я слышал их тяжелые шаги. Значит, это не рыбаки. Может, мне все-таки повезло.

— А ты кто еще? — развязано спросил один из рыбаков, но другой одернул его:

— Заткнись, пошли.

— Уходим уже, — поспешно сообщили бандиты.

Потоптавшись немного на месте, они направились прочь. Тут бы мне вылезти из своего убежища и броситься в объятия спасителей, но что-то мне подсказывало, что торопиться не стоит.

— Постой здесь, — велел один из них. — Не пускай никого. Шваль всякая ползает.

От холодной воды у меня сводило зубы, но я по-прежнему не мог пошевелиться. Тот, кто теперь стоял прямо над моим темечком, не даст мне уйти незамеченным. А у меня нет никакой уверенности в том, что это, к примеру, не контрабандисты. Сомневаюсь, что моя должность защитит меня от них, раз уж не спасла от рыбаков. Не издавая лишних звуков, я отпустил деревянный столб и поплыл к следующему. Одежда и два меча тянули меня на дно, но я сопротивлялся изо всех сил.

Чудесная вышла ночь. Я схватился за следующий столб и отдышался. Необходимо добраться до шраванского корабля и узнать, что же это за люди. Возможно, получится обратиться за помощью. Нетрудно было догадаться, что рыбаки будут патрулировать у пирсов и у ворот, чтобы поймать меня. Самостоятельно мне в центр города не попасть, и оставалась только надежда на то, что я получу сопровождение. А вот достанется мне конвой или нож под лопатку, это вопрос серьезный.

Испытывая смешанное чувство стыда, досады и злости, я дрожащими пальцами расстегнул пряжку пояса, и почувствовал, как оба меча скользят вниз. Стало легче, но кожаный доспех по-прежнему сковывал движения. Крепко ухватившись одной рукой за столб, я принялся расстегивать пряжки на боку. Проклятье, да кто же придумал такие застёжки? Наконец, последняя поддалась, и я стянул через голову превосходную новую форму. Стоило отпустить ее в черную бездну, как почувствовалось невероятное облегчение. Мое тело отлично держалось на воде и больше не собиралось тонуть.

Я зачерпнул воды и умылся. От соли щипало глаза. В мыслях пронеслись все события этой безумной ночи. Я вспомнил, как отрубил руку бандиту, и меня чуть не вырвало. Если Боб и Кайл остались живы, у меня будут свидетели. Только,

какие показания они дадут, вот в чем вопрос. Не думаю, что они признаются в заговоре. Скорее всего, это дело замнется, и мне самому будет выгоднее умолчать обо всем, что случилось. Но едва ли я тогда смогу спокойно спать, зная, что рыбаки приговорили меня к смерти, а собственные подчиненные жаждут от меня избавиться.

От столба к столбу я пробирался вперед. Волны тихо плескались, облизывая борт хаджана. Я бесшумно выплыл из-под причала и ухватился за натянутую якорную цепь. Отсюда мне было неплохо видно тех, кто собрался у трапа. Среди них были шраванские солдаты, судя по форме, и еще несколько людей в капюшонах. Я чуть подтянулся, чтобы их разглядеть. Со шраванцами у нас подписано мирное соглашение. Двоюродная сестра нашего принца отправилась в те земли, чтобы вступить в брак с наместником одного из поселений «Алмазных Песков», как называют шраванцы свой берег, а, возможно, так переводится с местного языка само слово «Шраван», не знаю точно. Но меня настораживали эти люди в капюшонах.

— Еще пятеро, итогодевятнадцать, — услышал я чей-то низкий голос. — Почему девятнадцать?

— Один заболел, — ответил кто-то и тупо заржал.

— Заткнись.

Я еще немного подтянулся. Теперь мне стало видно, что кроме солдат и неизвестных в капюшонах, у трапа стоят еще люди. Этих трудно было не узнать. Смуглая кожа, светлые волосы, грязная одежда, опущенные головы. Сармантийцы, готов поспорить!

— Договор был о двадцати, — слышался голос с заметным южным акцентом.

Я так сосредоточен был на тех, кто стоял возле трапа, что вовсе забыл о существовании двоих дежурных, и вспомнил, лишь когда услышал голос одного из них:

— Эй, парень, а ты еще кто?

Я вздрогнул и повернул к нему голову. Толпа у трапа тоже заинтересовалась моей скромной персоной. В мою сторону нацелили два арбалета, и стало ясно, что думать о возможности побега наивно. Я, подобно крабу, висел на якорной цепи, безоружный, в простой рубаше и штанах.

— Поди-ка сюда, парень, — мягко позвал один из людей в капюшоне. — Не бойся.

Не скажу, что у меня был особый выбор. Я отпустил цепь и рухнул в воду. Под прицелом подплыл к причалу. Один из солдат опустил руку и втянул меня вверх. Не ошибусь, если скажу, что никогда еще не чувствовал себя настолько беспомощным. Я стоял в мокрой одежде на холодном ветру, а меня разглядывали, как

диковинного зверька.

— Ты из Доков, парень? — спросил кто-то.

Мне понятен этот интерес. Никто бы не хотел иметь неприятности с местными владыками моря. Но я уже знал, кто передо мной, а потому отдавал себе отчет, что будь я даже рыбаком, меня это не спасет.

— Я капитан стражи, — сказал я как можно тверже. — И знаю, что здесь происходит.

— Надо же, умный какой, — шепнул кто-то.

— Вообще-то, работорговля запрещена, — продолжил я свою мысль, — но, думаю, мы можем с вами договориться.

— Договориться? — послышался тот же мягкий голос.

Я не видел лица того человека, а потому направил взгляд в тень под капюшоном:

— Да. Вы поможете мне покинуть Доки, а взамен получите вечную благодарность капитана стражи. Все останутся довольны.

Я надеялся, что смысл моих слов поймут правильно. Работорговля — это не контрабанда, здесь речь идет о государственном преступлении с соответствующим наказанием. Покровительство городской стражи было бы для них неплохим подспорьем. Но в ответ я услышал не то, на что рассчитывал.

— Глупый мальчик. Ты бредишь.

Кто-то из шраванских солдат отдал короткий приказ, и я почувствовал, как одна рука схватила меня за шею, а другая прижала острие кинжала к моему животу.

— Стойте, — велел тот человек в капюшоне. — Он может быть двадцатым. Пусть он не сармантиец, но выглядит здоровым и крепким.

— Могут быть проблемы, — возразил все тот же шраванец с заметным акцентом.

— Погодите, — я не видел говорящего из-за весьма неудобного положения, в котором находился. — Я его, кажется, знаю. Это сын Мадока.

— Что ты такое говоришь?

— Да, да, это он! Он и впрямь капитан стражи. О, святой Лазериан!

— На дно его!

— Но, брат Килан!..

— Молчать!

Я понимал, что речь идет о моей судьбе. Решается простой вопрос: жить или умереть Эйрону Мадоку, и не когда-нибудь в далеком будущем, а прямо сейчас. Если бы не так сдавили горло, я бы крикнул им, что готов отправиться вместе с рабами — лучше уж с ними, чем к рыбам. Но я не мог ничего сказать, и был вынужден просто ждать.

— Тревога! — слышалось со стороны

берега.

Спор затих. Солдаты оживились, засуетились люди в капюшонах, только сармантийцы, как покорные овцы, так и остались стоять, сбившись в кучку. Судя по топоту, по причалу шагало много человек. Я не знал, ждать мне избавления или новых бед. В конце концов, это могли быть рыбаки, прибывшие разобраться с гостями.

— Именем закона и Церкви, вы арестованы! — послышался голос.

Потом я почувствовал, как мое горло отпустили, и, прежде чем я успел что-либо сделать, нечто тяжелое опустилось на мой затылок. Я упал, а дальше все было словно в каком-то тумане. Я слышал громкие голоса, но не мог понять ни слова, потом — звон оружия, а потом — тишина.

В камере было тесно и воняло. Вот бы не подумал, что когда-нибудь смогу побывать в городской тюрьме. Тем не менее, этот опыт может быть полезен. Не представляю только, как именно. Голова болела, на месте удара вздулась огромная шишка. Но я был жив, и это восхитительно! Конечно, было бы лучше, чтобы эти болваны, которым я уже несколько десятков раз называл свое имя, выпустили меня отсюда, но нужно быть терпеливым. Все-таки, сидеть в вонючей камере гораздо лучше, чем плескаться в сетях со вспоротым брюхом.

Я услышал шаги и поднялся. Тут приходили только ко мне. В остальных камерах сидели сармантийцы. У них не было посетителей, и разговаривать с ними было не о чем. У них прав не больше, чем у бездомной собаки.

Я очень надеялся, что человек, который подошел к решетке, никогда не увидел бы меня в таком месте. Кажется, он постарел. Его губы были плотно сжаты, а брови сведены на переносице. Остановившись перед камерой, он кивнул сопровождающему стражнику, и тот ушел в сторону.

— Здравствуй, папа, — проговорил я, и сам услышал, как глупо прозвучали мои слова.

— Здравствуй, Эйрон, — сказал он. — Не думал, что мне придется навещать тебя в темнице.

Мог бы и не говорить. У меня и так от гордости остались лишь воспоминания.

— На тебе не было формы, когда тебя... арестовали, — в устах моего отца эта правда звучала еще более унижительно.

Но мой отец не был глупцом. Он пришел не посмеяться надо мной и не отчитать за плохое поведение. Он пришел понять и был готов выслушать. Я рассказал ему все. Ну, практически все, опустив только причину, по которой согласился подменить Ивара. Я решил сослаться на то, что хотел заработать авторитет среди

стражников. Отчасти это было правдой. Когда же я поведал о происшествии на причале, отец помрачнел еще больше.

— Погоди, сын, — прервал он меня. — Ты сказал, «брат Килан»?

Я кивнул. Это единственное имя, которое я услышал, и оно врезалось мне в память. Такого лица у моего отца я не видел ни разу. Это была не злость и не разочарование. Это было то, что, как я полагал, вовсе несвойственно господину Мадоку, герою Эйнерина. Это был страх.

— Ты кому-нибудь рассказывал об этом? — негромко спросил он.

— Конечно, — подтвердил я. — И не один раз. Я надеялся, что... отец, ты в порядке?

Рональд Мадок бледнел у меня на глазах, но ему хватило сил и мужества ободряюще улыбнуться мне:

— Ничего, ничего, мой мальчик. Я вытащу тебя отсюда.

Когда он ушел, я шмыгнул носом и поспешно прикусил губу. Никогда мне не доводилось видеть отца в таком состоянии. Не понятно, что именно так его напугало, ведь его сын жив и вот-вот должен освободиться. Я дважды избежал смерти в эту ночь, и впорубы радоваться.

Не знаю, сколько времени прошло, я даже успел поспать на дырявом тюфяке, воняющем

потом и соломой. Отец, как и обещал, пришел за мной. Ни на кого не обращая внимания, мы быстро покинули здание темницы. Снаружи нас ожидала карета. Сохраняя молчание, мы доехали домой. Отец пребывал в глубокой задумчивости, а я мечтал о том, чтобы помыться и сменить одежду.

— Господин Мадок, юный господин Мадок, рад вас видеть.

Я глянул на своего старого слугу. Его поблекшие глаза слезились, а руки чуть заметно тряслись. Старик совсем сдал за последнее время. Как я этого не замечал? Я не был дома сутки, а мне казалось, что прошло не меньше года.

— Вода уже нагрета и ждет вас, — сообщил он мне.

Я кивнул ему в ответ. У меня не было сил даже говорить. Помывшись и переодевшись, я лег на кровать и закрыл глаза. Мне неприятна была мысль, что необходимо отправиться в свой кабинет на площади Героев Дориона и решить вопрос с Иваром. Не знаю, что именно следует с ним сделать. Желание изрубить его на мелкие кусочки было и заманчивым, но неосуществимым. Разумнее было бы договориться с ним. Возможно, мне удастся избежать мести рыбаков, но без союзников не обойтись. О, как же я устал. Не понимаю, как отец смог столько лет прослужить, сохраняя со всеми мир? Хотел бы я научиться действовать так

же: мудро, рассудительно, с достоинством.

С тяжелым вздохом я заставил себя встать, и когда распахнул дверь комнаты, обнаружил своего отца на пороге.

— Ты куда?

— На службу...

— Нет, — покачал он головой. — Оденься подобающе. Мы едем на аудиенцию к принцу.

Дворцовая площадь была украшением столицы. Десятки фонтанов и шраванская цветная плитка делали ее особо привлекательной. Но, конечно, главной достопримечательностью был королевский дворец. Он находился за забором, вдоль которого выстроилось более двух сотен королевских гвардейцев. С площади можно было полюбоваться лишь его фасадом, украшенным скульптурными изображениями. Я же знал, что это не идет ни в какое сравнение с тем, что было внутри. Кто не был во дворце Эйнерина, тому неизвестно истинное значение слова «роскошь».

Не так давно подле дворца приютилось здание церкви. Ну, «приютилось» — не совсем точное слово. Размерами оно, конечно, дворцу уступало, а вот богатством убранства — едва ли. В городе было построено достаточно церквей, но они были примером скромности, которую пропагандировали. Видимо, епископу и инквизиторам не пристало прозябать в сырых стенах. За такие мысли меня

самого могли бы обвинить в бунте против церкви, но, благо, мне хватало ума оставлять размышления при себе. Я не смог пропитаться религиозным духом, поскольку отец воспитывал меня свободно, не заставляя поклоняться Пророку Лазериану, как того требовала церковь. И, тем не менее, скорость, с которой епископ распространял влияние молодой религии по Дориону и за его пределами, не могла не внушать уважения. Церковь была сильна, и с каждым днем становилась могущественнее, только слепой не заметил бы этого. Пройдет еще десяток лет, умрут те, кто помнил жизнь до появления Пророка, и легче будет стать одним из толпы верующих людей, нежели пытаться противостоять.

Оставив карету, мы поприветствовали королевских стражей на посту и в сопровождении молчаливого, полного достоинства привратника проследовали во дворец.

Я был здесь дважды, и оба раза — в главном зале. Но теперь нас вели другой дорогой.

— Вас ожидают, — сообщил привратник, остановившись у двери из красного дерева.

Отец посмотрел на меня с тревогой и кивнул. Я все еще пребывал в недоумении. Всю дорогу мы молчали, и причина нашего прибытия во дворец оставалась для меня загадкой.

Мы вошли в просторную комнату, залитую солнечным светом. Здесь стояло несколько кресел и

диван, а под потолком были подвешены клетки с певчими птицами. Если прикрыть глаза, слушая их пение, можно было представить, что находишься в лесу. Неплохое место для отдыха. На диване сидел принц Эдриан. Ему было чуть больше тридцати лет, но выглядел он немного старше из-за грузности и усталого взгляда. Казалось, что было общего между правящим монархом и бывшим капитаном городской стражи? Все просто. Ближайший друг моего отца был учителем фехтования юного принца. А когда заболел, то порекомендовал вместо себя Рональда Мадока. Болезнь оказалась неизлечимой, и мой отец остался обучать принца после смерти своего друга. Увы, на тот период пост начальника стражи уже был занят Мадоком, и двигать его выше по служебной лестнице принц бы не смог: все лучшие должности были заняты другими хорошими друзьями. И мой отец согласился на финансовую поддержку. Позже принц прекратил свои занятия, но хорошее отношение к нашему роду не было забыто. Так случайность превратила капитана стражи в друга принца.

— Рад видеть тебя, Рональд! — воскликнул принц, поднимаясь.

— Ваше Высочество.

Мы оба склонились перед монархом, а он, в свою очередь, великодушно взмахнул рукой:

— Ах, это ненужные условности. Мы здесь одни. Я хотел обсудить с вами весьма деликатное дело.

Принц посмотрел на меня так, словно сомневался, способен ли я оценить всю серьезность ситуации. Я постарался всем своим видом доказать, что способен. Принц отошел в сторону, сложив руки на груди:

— Этой ночью произошел... неприятный инцидент.

Я быстро посмотрел на отца. Неужели принцу было известно о событиях в Доках? Как?

— Мне доложили, что была задержана группа работорговцев. По словам свидетелей, это были гофы.

Я растерянно хлопнул глазами. Принца явно дезинформировали. Да, Гофийская Империя вела себя враждебно по отношению к нам, но я видел шраванцев, и не только. С ними были дорионцы, никаких сомнений. Но перебивать принца я не посмел, и слушал дальше.

— Инквизиторы и королевская гвардия уже разобралась с преступниками, — продолжал он. — И все бы хорошо, да пошел слух, будто один мальчишка, присутствовавший там, стал обвинять в работорговле Церковь.

Я шумно сглотнул. Принц обернулся и посмотрел на меня. Я боялся даже глянуть в

сторону отца.

— Так ли это, юный Мадок?

— Я ничего подобного не говорил, — пробормотал я, чувствуя, что голос дрожит. — Все, что было мною сказано, это что там присутствовал некий «брат Килан», это всё, что мне известно. И еще, Ваше Высочество, мне показалось, вы сказали, что в работорговле обвинили гофов?

— Так и есть, — подтвердил он.

— Но там их не было, — возразил я, игнорируя предостерегающий шепот отца. — Там были шраванцы и дорионцы.

Брови принца поползли вверх. Он настороженно глянул на птиц, порхающих в клетках, будто те могли подслушать нашу беседу.

— Дитя, что ты такое говоришь? — будто к маленькому ребенку, обратился ко мне принц Эдриан. — Не хочешь же ты обвинить в этом преступлении наших союзников и, что еще хуже, наших земляков?

— Но я видел...

— Ты забываешься! — одернул он меня.

— Да, Ваше Высочество, — я склонил голову, чувствуя досадное бессилие.

Пенье птиц больше не успокаивало, а только раздражало. Мне хотелось собственноручно сорвать эти клетки и выбросить в окно, лишь бы оказаться в тишине.

— Ваше Высочество, простите, но я верю моему сыну.

Я с удивлением покосился на отца. Он был бледен и выглядел уставшим, но решительно смотрел в глаза принцу. И я понял, что он действительно верил мне. Это были не пустые слова. Он заступился за меня не перед уличным мальчишкой, а перед правителем Дориона.

Монарх устало провел двумя руками по лицу и посмотрел в окно.

— Рональд, ты же сам понимаешь, что твой сын ошибается. Во имя Дориона, это не может быть правдой. Не далее, чем вчера вечером Гофийская Империя объявила нам войну. Если сейчас кто-нибудь где-нибудь станет говорить о том, что шраванцы участвуют в работорговле при помощи наших горожан, к чему это приведет? У нас и так немного союзников. Но я это говорю вовсе не потому, что пытаюсь убедить вас в чем-либо, а только поясняю, почему именно ошибся твой сын. Он устал, ночное дежурство было тяжелым.

Я молчал.

— Но беда в другом, — вздохнул принц. — Твоему сыну, Рональд, почудилось, будто он видел брата Килана, одного из Инквизиторов святой Церкви. Ты понимаешь, чем это может грозить? За такой навет и лжесвидетельство мальчика лишат не только должности и родового имени.

Я прекрасно знал, как обращаются с клеветниками. Им прижигают язык. Это если повезет. А как поступает с преступниками Церковь, я даже не догадывался. Если я и выживу после всего, что меня ожидает, то останусь калекой. Я видел, как покачнулся мой отец. Но он взял себя в руки и остался стоять, гордо держа спину ровной.

— Не будь тебя, Рональд, мальчик не вышел бы из темницы, — напрямик сказал принц. — Но я не собираюсь поступать с твоим сыном жестоко. К сожалению, отпустить его я не могу тоже.

— Он может уехать, — сказал тот. — Навсегда покинуть Дорион...

— Этого мало, — твердо сказал принц. — Не для меня. Для Церкви. Он должен покаяться.

Я осторожно посмотрел на него.

— Покаяться и уповать на милость Церкви.

Мы встретились с ним взглядом. Может, я обманывал себя, потому что хотел в это верить, но мне показалось в его глазах сожаление.

— Что мы должны делать? — спросил мой отец. Голос его прозвучал глухо и безжизненно.

— Сохранять разум, — ответил тот. — Вам предстоит встретиться с епископом, и от его решения будет зависеть, что ожидает этого достойного молодого человека.

— Я готов на все, Ваше Высочество, — сказал я, и был как никогда искренен. — Когда же

назначена встреча?

— Вообще-то, Его Святейшество нас уже ждет, — сказал принц.

Мы вышли вслед за принцем. В коридоре к нам ненавязчиво присоединились два гвардейца. Воспользовавшись тем, что монарх опередил нас на пару шагов, я повернул голову к отцу. Вслух спрашивать не стал, да и ни к чему это было. Он понял все без слов. Отец положил руку мне на плечо и крепко сжал. Это означало: «Не волнуйся, парень, я с тобой до конца». Поддержка сейчас мне была необходима, но еще больше я нуждался в хорошем эле. Впрочем, пока можно не рассчитывать на это. Покаяться перед Церковью... За что? За то, что я услышал? Проклятье, да я до беседы с принцем даже понятия не имел, что это имя имеет какое-то значение! Знать не знал, кто этот брат Килан.

Коридор привел нас к широким дверям, украшенным резьбой. Глядя на них, мне особо остро захотелось удрать куда-нибудь подальше, наплевав на гордость, родовую честь и прочие незначительные мелочи. При нашем появлении привратник услужливо открыл дверь.

Вслед за принцем мы вошли в кабинет. Плотнo задернутые портьеры не пропускали солнечный свет. Горело несколько свечей, разбавляя царящий в комнате полумрак. Стены

были увешаны портретами представителей династии Ливермор. Мой взгляд остановился на некрасивом рыжеволосом мужчине с женоподобным лицом. Даже льстивый художник не смог как-то украсить его. Вот он, настоящий Ларс. Тезка, так сказать.

Дверь закрылась, и я вздрогнул. Стоящий у окна человек стал заметен только сейчас. Он был высоким и худощавым, длинные волосы мягкими волнами спускались ему на плечи. Полагаю, он был чуть младше моего отца, а может, только казался моложе из-за той энергии, что исходила от него, как лучи от солнца. Его лицо не было красивым, но была в нем какая-то утонченность, отличающая представителей благородных семейств от простолюдинов. На груди висел крупный символ церкви: плоский диск с рубином в центре, символизирующим кровь Пророка.

— Ваше Превосходительство, — приветствовал принц епископа.

— Ваше Высочество.

Голос главы Церкви был низким и сильным. В нем звучала власть.

— Я привел капитана стражи, который присутствовал в Доках этой ночью, — сказал принц и демонстративно отошел в сторону, будто бы давая епископу рассмотреть меня получше.

На самом же деле я догадался, что монарх

опасается епископа и действиями своими лишней раз подтверждает, что не собирается стоять у того на пути. Чувство благодарности не позволило ему отдать меня на растерзание инквизиторам сразу же, но теперь моя судьба зависела от милости только одного человека. Того, что взирал на меня с равнодушием.

— Вот как? — он перевел взгляд на моего отца, — господин Мадок, сожалею, что нам пришлось встретиться при столь печальных обстоятельствах.

Отец склонил голову, не то в поклоне, не то в согласии. Я знал, что он недолюбливает епископа, очень мягко выражаясь, но сейчас было не самое подходящее время проявлять свои искренние чувства.

— Что же касается вас, молодой человек, то у нас будет долгий разговор, — епископ скользнул по мне взглядом, и показалось, что по коже провели острием кинжала.

— Рональд, будь добр, оставь нас, — сказал принц.

Мы с отцом быстро переглянулись. В его глазах я увидел отражение собственного бессилия и страха перед неизвестностью. Но уже спустя миг ему пришлось покориться и выйти. Я остался один, без поддержки. Почудилось, будто я уже положил голову на плаху, а мой палач занес топор и только

ждал сигнала.

— Что ж, дитя, расскажи, что произошло этой ночью, — епископ прошел к высокому креслу и сел в него.

Я бросил быстрый взгляд на принца, и тот кивнул. Слово в слово я повторил все то, что рассказывал, кажется, сотни раз. Когда дошел черед до упоминания «брата Килана», запнулся, но все же сумел закончить свою историю. Епископ какое-то время молчал. Он сидел, сложа руки на животе и соединив пальцы, смотрел куда-то в сторону и будто вовсе забыл обо мне. Но на такое везение глупо было рассчитывать.

— Я послушал тебя, — произнес он негромко, — а теперь расскажу, как все было на самом деле. Ты всего месяц назад получил высокую должность, заняв место своего отца. Это большая честь и большая ответственность. Особенно, когда подчиненные тебя не уважают. Я знаю, о чем говорю, дитя. Это действительно нелегкий труд: заслужить доверие. И тут выпадает шанс: отправиться на ночное дежурство в самый... непростой район нашей славной столицы. Ты, конечно, рассчитываешь, что таким образом сумеешь внушить уважение стражникам. Своими действиями ты провоцируешь местных жителей на драку, в результате которой гибнут твои подчиненные.

Я чуть было не перебил его, но вовремя прикусил язык. Значит, Кайл и Боб мертвы? То есть, у меня нет никаких свидетелей того, что произошло?

— Ты пугаешься, — продолжил епископ мягким голосом, — и убегаешь. Ты не можешь появиться в городе, ведь о твоих безответственных действиях станет известно. И молодой капитан решает поиграть в героя. Обнаружив на пирсе работорговцев, ты собираешься арестовать их, и тем самым заслужить одобрение. Но это оказалось тебе не по силам. Когда же появились инквизиторы, ты уже был почти без сознания. Видимо, тогда и услышал имя брата Килана. Это все объясняет, не правда ли? Только одно плохо, что очнувшись, ты начал твердить, будто брат Килан причастен к работорговле. Этот слух мгновенно распространился среди стражников темницы и скоро непременно станет основной темой для разговоров во всех кабаках. То, что ты совершил должностное преступление, проявив ненужную агрессию, это еще полбеды. Но ты подрываешь авторитет Церкви, дитя.

Он поднял на меня бесстрастные глаза. Я хотел крикнуть, что это все откровенная ложь. Что я верю своим глазам и ушам, и что лучше прочих знаю, что именно произошло той ночью в доках. Хотел, но не сделал этого. Я мог бы покорно

согласиться, приняв этот унижительный вариант за правду, как от меня ожидали. Но тоже не сделал этого. Я призвал всю силу воли, чтобы выдержать взгляд епископа, и спросил:

— Ваше Превосходительство, как мне загладить свою вину?

Показалось, что он усмехнулся уголком губ. Почему-то мне представился дрессировщик королевских псов. Он больше всего ценит в собаках покорность, но радуется, если попадаетя упрямый зверь. Искреннее удовольствие он получает, только когда удается сломить дух свободы и заставить собаку увидеть в нем хозяина.

— Я ценю в людях готовность признать свою ошибку и стремление искупить ее, — произнес епископ. — Буду с тобой откровенен. Подобные поступки нельзя просто забыть. Если бы это могло остаться здесь, между нами, то, возможно, я позволил бы тебе отдать несколько лет служению Церкви, чтобы ты сам мог вымолить прощение искренним покаянием. Но речь идет о том, что ты стал источником слухов, грязной клеветы, порочащей инквизиторов, Церковь, а значит — Пророка Лазериана.

С каждым его словом я буквально ощущал, как невидимый топор рубил меня на кусочки. Да, славная ночка. Вчера единственной моей проблемой было то, что подчиненные не в восторге

от моего назначения. А сегодня я уже не уверен, что смогу дожить до следующего утра.

— Ваше Превосходительство, — обратился к нему принц, — я нисколько не уменьшаю значимость преступления, совершенного этим юношей, но хочу лишь сказать, что наказание имеет цену, когда человек способен вынести из него урок. Молодой Мадок не безнадежный еретик, он причинил Церкви зло не по умыслу, а по глупости. Возможно, стоит позволить ему искупить свою вину делами, позволяющими не только очистить имя Церкви, но и возвеличить его?

Я покосился на принца. Это что он имеет в виду? Но епископ, готовый возразить, почему-то передумал. Он задумчиво покрутил перстень на пальце и медленно произнес:

— Возможно, вы правы. Конечно, нет разницы, какова была причина этого поступка, но наказание должно нести пользу. Либо для общества, либо для самого преступника.

— Тогда, возможно, юный Мадок мог бы сопровождать брата Рэми? — осторожно спросил принц.

Епископ мгновенно нахмурился, выказывая неодобрение. Я же настороженно вслушивался в каждое слово, надеясь заранее предугадать, что меня ожидает. Его Превосходительство выглядел довольно мрачно. Кажется, то, что предлагал

принц, ему не нравилось. Интересно, а какое он сам видит наказание за моё, так сказать, преступление? Четвертование или сожжение?

— Ваше Высочество, вы должны понимать, что миссия брата Рэми почетна, и участие в ней — это честь, а не наказание.

— Я и не пытаюсь доказать обратное, — миролюбиво отозвался принц. — Но если юный Мадок сможет принести пользу, отправившись вместе с братом Рэми, то по возвращении можно будет решить его дальнейшую судьбу.

Епископ молчал. Очевидно, он пытался придумать наиболее точный ответ, дающий понять, почему именно я должен немедленно умереть какой-нибудь противоестественной и мучительной смертью. В тишине послышалось шипение. Потухла одна из свечей.

— Юноша, насколько хорошо вы владеете мечом? — спросил епископ.

И я понял, что спасен. Кандидатам в покойники подобные вопросы не задают. Но прежде, чем я успел заставить свой непослушный язык пошевелиться, ответил принц:

— Его отец тренировал меня. Если он был хотя бы вполовину так же строг со своим сыном, как со мной, мальчик великолепный фехтовальщик.

Епископ посмотрел на меня с нескрываемой неприязнью. Он был похож на человека, от

которого ускользает желанная добыча. Но при этом Его Превосходительство понимал, что предложенный принцем вариант разумнее, чем банальная казнь. Нелегко, наверное, ему пришлось. Тем более, он был достаточно умен, чтобы увидеть, что панический ужас больше не имеет надо мной власти.

— Что ж, в таком случае я передам его в распоряжение брата Рэми, — сказал епископ нехотя. — Конечно, ему придется отречься от родового имени и всех регалий. И пусть сам Пророк решит его судьбу. Если святому покровителю будет угодно, чтобы мальчишка вернулся живым, тогда мы обсудим, что с ним делать дальше.

Меня несколько насторожили эти слова. Откуда я должен был вернуться живым? Принц подошел и положил мне руку на плечо:

— Тогда, пожалуй, ему лучше немедленно направиться в Церковь и присоединиться к группе брата Рэми. Конечно, если мы закончили.

Я посмотрел на епископа. Готов поклясться, он вовсе не собирался отпускать меня так легко. Но ему удалось справиться с собой и выдавить подобие улыбки на лице.

— Как скажете, Ваше Высочество.

Мы вышли из комнаты. Пока не закрылась дверь, я чувствовал ледяной взгляд епископа, пронзающий мне спину.

— Тебе повезло, мальчик, — сказал мне принц негромко.

— Ваше Высочество! — я склонился в низком поклоне. Откровенно говоря, я был готов целовать его узорчатые туфли, но боюсь, что он воспринял бы это с подозрением.

— Ладно, ладно, — он жестом велел выпрямиться. — Мне нужно успокоить твоего отца, а ты ступай в церковь. Надеюсь, ты не собьешься с пути, и не попадешь ни в какие неприятности?

Последние слова он произнес с улыбкой, но в переводе это означало следующее: «Я вытащил твою шею из петли первый и последний раз, поскольку хорошее отношение к твоему отцу не обязывает меня быть твоим вечным защитником». Я еще раз поклонился и не поднимал головы, пока принц не удалился. Не чувствуя ног, я под неодобрительными взглядами гвардейцев почти бегом добрался до черной лестницы, ведущей на задний двор, и, перепрыгивая ступеньки, спустился вниз.

Солнце было ослепительно-ярким, как бывает только в начале осени. Я упал на колени, не обращая внимания на проходящий мимо патруль гвардейцев, зарыл руки в тонкую зеленую траву и поднял лицо к небу. Я жив! Жив... Да, я не знал, что ожидает меня в будущем, но само существование этого будущего казалось чудом.

Сквозь эйфорию в сознание пыталось пробиться понимание того, что отец будет вынужден отречься от меня, но об этом еще будет время подумать. Не сейчас.

Я поднялся и пошел вдоль дорожки между клумб с осенними цветами в сторону главной Церкви. Там мне прежде не доводилось бывать. Вблизи сооружение выглядело еще внушительнее. Его стены украшала лепнина, изображающая пророка Лазериана и его деяния. Я направился ко главному входу, возле которого стояли двое инквизиторов. Да, к службе в Церкви не допускаются даже королевские гвардейцы. Эти ребята гораздо солиднее. Инквизиторы носили плотную кольчугу, поверх которой надевали укороченный вариант рясы с вышитым символом Церкви. Во время дежурства инквизиторы вооружались длинными двуручными мечами, которые ставили острием в землю перед собой, сложив руки на рукояти. В этой позиции они должны были отстоять целый день, демонстрируя смирение, покорность и готовность на все ради Церкви. Мне бы их силу воли...

— Куда? — спросил один из воинов церкви, когда я приблизился.

— Мне нужно встретиться с братом Рэми, — ответил я.

— В самом деле? — недоверчиво переспросил

другой. — По какому вопросу?

— Меня прислал принц Эдриан, — сказал я.

Их грозные лица меня не слишком впечатлили. После всего, что пришлось пережить, это было даже смешно.

— Проходи, — буркнул инквизитор.

Я не стал задерживаться. За дверью меня ждал просторный зал. У стен стояли подставки со множеством тонких свечей. Прямо напротив входа почти до самого потолка возвышалась статуя, изображающая святого Лазериана. Перед ней, преклонив одно колено, стояло трое инквизиторов. Я в растерянности оглянулся. У меня не было ни малейшего представления, куда следовало идти. Но стоило мне сделать шаг, как откуда-то из тени вынырнул мальчишка лет пятнадцати. На нем была ряса без кольчуги. Вероятно, еще не прошел обучение.

— Да коснется вас благословение Пророка, ваша светлость, — обратился ко мне мальчик. — Могу ли я помочь вам?

«О, да, — подумалось мне. — Принеси эля, в горле пересохло». Но вслух я сказал:

— Я ищу брата Рэми.

— Следуйте за мной.

Мальчик повел меня в нишу, которую я сперва не заметил. Причудливо отбрасываемые горящими свечами тени скрывали несколько

десятков дверей. Мы прошли в одну из них и очутились в узком коридоре, освещаемом факелами. Мальчик провел меня до дубовой двери и остановился:

— По какому вопросу вы к брату Рэми?

Я вновь сообщил о том, что меня прислал принц. Тогда проводник открыл дверь и вошел, жестом зовя за собой. Я очутился в просторной комнате, в которой практически не было мебели, если не считать деревянных скамей. Здесь собралась немалая толпа. Отдельно стояло человек пятнадцать инквизиторов. Они о чем-то оживленно спорили. В стороне от них в молчании застыли шраванцы. Они надменно смотрели по сторонам, словно не могли понять, как судьба забросила их в подобное общество. В дальнем углу на скамье дремала какая-то женщина, завернувшись в плащ. Я с сомнением посмотрел на мальчика-проводника, но тот уже направился к двум людям, занимающим единственный стол. Один из них был в черной одежде работника канцелярии, но даже не форма выдавала род его занятий, а воспаленные глаза под покрасневшими веками. Перед ним лежало несколько чистых свитков, и стояла чернильница, в которую писарь направил свой взгляд, совершенно игнорируя нависшего над ним второго человека. Это был инквизитор, безо всяких сомнений. Да еще и пижон! Во всяком случае, бородка у него была по

последней столичной моде. Я тоже хотел бы себе такую, только светловолосые подобной роскоши позволить себе не могут.

— О, прости великодушно, Пророк, да славится имя твое, — сквозь зубы прорычал свирепый служитель церкви. — Я в десятый раз спрашиваю, по какой причине списки до сих пор не готовы? Мы выдвигаемся на рассвете безоружные и голые, потому как ни оружейная, ни кухня, ни портные не могут обеспечить нас всем необходимым без предъявления этого проклятого списка.

— А я еще раз поясню, что шраванский корабль прибыл только поздно ночью, я с самого рассвета нахожусь здесь, но еще никто не прислушался ко мне и не внес свое имя в список! — нервно взвизгнул писарь в ответ.

Судя по лицу инквизитора, тот был готов к извержению ярости, а потому меня немного смутило, что именно к нему направился мальчишка, сопровождающий меня.

— Брат Рэми...

— Что?! — рявкнул тот, поднимая голову. Заметив мальчика и меня, он сурово нахмурился, — в чем дело?

— К вам прибыл человек от принца Эдриана, — пискнул мальчик и поспешно смылся.

О, как бы я хотел поступить так же. Гневный

взгляд брата Рэми теперь был направлен в мою сторону.

— Кто ты еще такой? — спросил он меня, и писарь с облегчением вздохнул.

— Эйрон Мадок, ваша светлость, — ответил я, вежливо склонив голову. — Капитан городской стражи. Я прибыл...

Внезапно образовалась полная тишина. Спорящие инквизиторы притихли и теперь прислушивались к нашему разговору.

— Вот как? — вскинул брови брат Рэми. — Я отлично знаю, кто такой Эйрон Мадок. Это мальчишка, которого я приволок в темницу этой ночью вместе с рабами-сармантийцами. Тот самый, который громче всех кричал, что в работорговле замешана церковь, разве не так?

Я чувствовал на себе взгляды всех собравшихся, включая шраванцев. Надеюсь, до них не дошли слухи, что я и их земляков обвинил в измене Дориону? Мне показалось, что в комнате стало очень жарко. Во всяком случае, моя рубаша под нарядным камзолом пропиталась потом.

— Возможно, я, — мне удалось выдать из себя ответ.

— То есть, Его Высочество полагает, что клеветнику самое место в нашем походе? — очень сдержанно произнес брат Рэми.

Судя по вздувшейся вене на виске, он был

вовсе не так спокоен, как пытался продемонстрировать. Я не собирался виновато опускать глаза и заискивающе просить позволения остаться. В конце концов, меня обвинили несправедливо, правду представили в виде клеветы и все случившееся вывернули наизнанку. И если этот брат Килан действительно представитель Церкви, то им пора более качественно проверять своих людей, поскольку это именно он занимался продажей рабов. Как бы ни пытался епископ убедить меня в обратном. Голос брата Рэми я теперь тоже узнал: слышал тогда на причале. Его появление спасло мне жизнь, или, по крайней мере, отсрочило неминуемую гибель.

— Его Превосходительство епископ Конседин одобрил это решение, — процедил я сквозь зубы.

Мое заявление было встречено ропотом среди инквизиторов, а брат Рэми опустил глаза и какое-то время молчал. Его молчание прервалось несколько неожиданно.

— Подготовь списки, — велел он писарю. — Я сам позабочусь об организации.

Тот обреченно вздохнул.

— А ты, — брат Рэми посмотрел на меня, — не путайся под ногами. Запишешься последним, понял? Я еще обсужу это с Его Превосходительством.

Мне не требовалось пояснять дважды. Я

отошел в сторону и огляделся в поисках свободного места. Озираясь, встретился взглядом с пожилой женщиной, которая к тому времени уже проснулась. Она приветливо улыбнулась мне и похлопала по скамейке рядом с собой, предлагая сесть. Сейчас я бы предпочел побыть один, но отказываться от вежливого приглашения единственного человека, кто в этой комнате не смотрел на меня враждебно, было бы неразумно.

— Что, тяжелый день? — спросила она, когда я сел рядом.

Я даже хмыкнул. О да, тяжелый день. Мне не понадобилось ничего отвечать, в ее глазах читалось понимание. Я присмотрелся к ней. Волосы были совсем седые и убраны в длинную косу, лицо покрывали глубокие морщины, но взгляд ее был таким веселым и живым, словно передо мной сидела юная девочка, маскирующаяся под старуху.

— Меня зовут Айра, — сказала она. — Что это за шумиха с работорговлей? Все только об этом и говорят, а я всё проспала.

Я предпочел не отвечать на вопрос. В этот момент брат Рэми, перекрикивая шум, приказал:

— Дорионцы, инквизиторы, подойдите... Я знаю, что ваши имена мне известны. Но здесь присутствует человек, который доверяет только тогда, когда каждый называет себя сам.

Я посмотрел на писаря. Тот, кажется, стал еще

мельче.

— Бедный мальчик, — сочувственно вздохнула Айра, тоже глядя на работника канцелярии. — Брат Рэми слишком суров с ним. Впрочем, его можно понять. Организация похода требует немалого вложения сил.

Я повернулся к своей собеседнице и задал вопрос, который беспокоил меня с того самого момента, как я понял, что мне удалось избежать казни:

— Скажите, а что это за поход?

Айра удивленно хлопнула глазами. Кажется, мой вопрос поставил ее в тупик.

— Ты хочешь сказать, что тебе ничего не известно? — недоверчиво переспросила она. — Милосердная Дева, они тебе не пояснили!

Я предпочел сделать вид, что не услышал ее восклицания. «Милосердной Девой» называли землю староверы, те самые, которые нынче считаются еретиками. И за подобные слова присутствующие здесь инквизиторы могли запросто приговорить старушку к плетям или еще какому наказанию.

— Тогда слушай, мальчик, — сказала Айра. — Надеюсь, тебе известно, что Гофийская империя объявила нам войну?

Я кивнул, решив не уточнять, что не догадывался об этом до разговора с принцем.

— К этому уже давно шло, — продолжила она, — и окончательное решение не было неожиданностью. Тем не менее, Дорион не готов. Если нас не поддержат союзники, гофы сотрут нас в порошок за один миг.

— Но у нас достаточно союзников, — решил я проявить осведомленность. — Шраванцы, лютеане, Седые Холмы...

— Конечно, так и есть, — усмехнулась она. — Да только это на словах, дитя. Шраванцы не видят дальше своего носа. Им нет дела до нас и нашей войны. Посмотри на них. Они с самого утра так стоят. Молчат. Они презирают нас. И так целый народ. Многие шраванские наместники подписали мирный договор с Дорионом, но только наместник Карам из поселения на побережье действительно готов оказать нам поддержку. Ты ведь слышал, что двоюродная сестра нашего принца выходит замуж за него? Ну а таких наместников там еще человек пятнадцать, на всех сестер у нашего монарха не хватит. Кого ты еще там назвал? Лютеане, значит... Какой смысл им умирать под нашими стенами? С гофами они не ссорились. А на их полуостров не так-то легко добраться. Им нет никакой нужды поддерживать нас. То же касается и Седых Холмов. Когда король Теодор почти триста лет назад загнал их в горы, отвоевав долину, он поступил не слишком по-соседски, ты так не думаешь?

Я нахмурился. Мне не нравилось то, что говорила эта женщина. За беседу в подобном тоне нас уже могли обвинить в предательстве. Но в словах ее было что-то, от чего я не мог просто отмахнуться. Слишком похожим было на правду то, что она говорила.

— Но Церковь объединяет эти земли, — возразил я.

— Ты прав, мальчик, — мягко улыбнулась она, — Церковь единственное, что их объединяет. Но ее влияние в чужих землях еще слишком слабо. Его необходимо усилить.

— Какое это имеет отношение к тому, что здесь происходит? — проявил я нетерпение, которое мне долгое время удавалось скрывать.

— Самое непосредственное, — ответила она. — Много лет Церковь говорила о чудесах, которые творил Лазериан при жизни, и, мол, даже его кровь обладает божественной силой. Ты ведь знаешь, что означает рубин в церковном символе?

Я кивнул. Конечно, это чудодейственная капля крови Лазериана, каждый знал это с рождения. Каждый, кто родился после появления церкви.

— Так вот, говорят, Лазериан, убедившись, что наши земли вняли его словам, двинулся дальше, на восток. И миссия брата Рэми заключается в том, чтобы разыскать его.

— Разыскать? — переспросил я, не веря собственным ушам. — Но ведь в таком случае ему должно быть сейчас лет...

— Около восьмидесяти, — сказала Айра. — Не так уж и много для столь могущественного человека, отмеченного милостью Творца, и ставшего его наместником для тех, кто принял новую религию.

Кажется, она откровенно смеялась надо мной. Мне это совсем не понравилось. Может, я и не ярый сторонник церкви, но старая вера мне точно чужда.

— Я так понимаю, вы не верите в Пророка, — сказал я как можно сдержаннее.

— Я? — она подняла брови, — ну что ты, я верю, что некогда Лазериан и впрямь ходил босыми ногами по нашим мостовым. Хотя несколько странно, что мы с ним не встретились. Ведь я провела в Эйнерине всю свою жизнь.

— Шраванцы, подойдите! — крикнул брат Рэми.

Молчаливая группа двинулась к столу.

— Кто ваш предводитель? — спросил инквизитор.

— Считайте таковым меня.

Тот, кто выступил вперед, был очень молод. Как и прочие шраванцы, он носил особую одежду, которую они называли «крылья сокола». Наряд состоял из просторных шаровар, широкого пояса,

вышивка на котором свидетельствовала о положении человека в обществе, рубахи и распахнутого на груди кафтана. Насколько я знал, представители знати носили цветные «крылья сокола», щедро украшая пояс и кафтан золотом и камнями, воинам полагалась одежда песочного цвета, а элитные войска наместника использовали в своей одежде черный цвет. Исходя из этого, я сделал вывод, что перед нами пятеро воинов и один представитель военной элиты.

— Мне нужно, чтобы ваши люди четко и внятно продиактировали моему писарю свои имена, назвали род войск и звания, — сдержанно сказал брат Рэми.

Предводитель шраванцев повернул голову к землякам и коротко на своем языке пояснил им, что от них требуется. Теперь я мог лучше рассмотреть его. Кожа была светлее, чем у других жителей Шравана, глаза миндалевидной формы, что характерно для сармантийцев, как и пепельный цвет волос. Удивительно, как очутился в элитных войсках Шравана представитель другого народа? Тем более сармантиец.

— Каков красавчик, да? — услышал я Айру.

— Ну, не знаю, — уклонился я от ответа, — я девушек предпочитаю.

Она тихо засмеялась:

— Конечно, я и не сомневалась.

Я чувствовал себя немного неловко в обществе Айры, и все же она вызывала у меня положительные эмоции. Наверное, такой бы я хотел видеть свою бабушку. К сожалению, бабушки у меня не было вовсе, вернее, я никогда ее не видел, потому что она скончалась до моего появления на свет.

— Отлично, теперь твое имя, — сказал брат Рэми, обращаясь к предводителю шраванцев.

— Моё имя Лис, — ответил он.

— Род войск, — тоненьким голосом произнес писарь.

— Телохраниитель наместника Карама.

И снова все умолкли. В тишине было слышно, как скрипит перо, выводящее на бумаге буквы. Мне не слишком много было известно о наших южных союзниках, но легенды о телохранителях правителей Шравана я слышал с раннего детства вместо сказок. Это и были мои любимые сказки! Отец рассказывал о бесстрашных воинах, не знающих равных в боевом искусстве. Телохраниитель никогда не покидал наместника и оставался с ним, пока один из них не умрет. Тем удивительнее было присутствие его здесь, среди нас.

Брат Рэми первый справился с оцепенением.

— Лис? — переспросил он, нахмурившись. — Это ведь ненастоящее имя.

— Ты очень пронизателен, — с серьезным выражением лица ответил тот.

— Я не могу его принять, — дрожащим голосом произнес писарь. — Мне нужны имена.

Брат Рэми, сжав губы, глянул на несчастного работника канцелярии. Тот тихо ойкнул, кажется, находясь на грани обморока. Инквизитор заскрежетал зубами и поднял взгляд на светловолосого «шраванца».

— Будь так любезен, назови свое имя, — процедил он сквозь сжатые челюсти.

— Зачем? — поднял брови тот. — Тебе назвать имя, данное мне матерью при рождении? Или то, которым меня кличут при дворе? Или то, которым называет меня шахриар? А, может, тебе будет достаточно того имени, которое я счел возможным сообщить, чтобы ты мог закончить эту бессмысленную перепись и, наконец, приступить к более важным вещам? Мои люди не ели со вчерашнего вечера.

Мне показалось, что еще немного, и из ноздрей брата Рэми вырвется дым. Во всяком случае, глаза его бешено вращались, а губы шевелились, произнося беззвучные проклятия. Он вышел из-за стола, взял сармантыйца, назвавшегося Лисом, за локоть, вызвав у того изумление, и отвел в нашу сторону. Видимо, брат Рэми был так взбешен, что не заметил нас с Айрой, тихонько

сидящих в углу.

— Послушай, Лис, или как ты там себя называешь, — негромко проговорил брат Рэми. Он угрожающе навис над тем и продолжал сжимать его локоть. — Ты окажешь мне невероятную услугу, если не будешь задирать свой шраванский нос так высоко. Моим людям также нужны отдых и еда, но они молчат и терпеливо ждут, что и от вас требуется.

— Я не знаю, как зовут тебя, дорионец, — слишком мягко проговорил тот, — но ты тоже окажешь мне невероятную услугу, если отпустишь мой локоть.

Брат Рэми с досадой засопел, но руку поспешно убрал.

— Я даю тебе один час, — жестко сказал «шраванец», — и если за это время мои люди не будут накормлены, то мы выйдем в город и самостоятельно обеспечим себя подходящим отдыхом и пищей, хотя сомневаюсь, что это вообще возможно в вашей варварской стране. А если ты полагаешь, что стоящие у двери люди как-то смогут нам помешать, то ты глубоко заблуждаешься.

Прежде, чем брат Рэми ответил что-либо, он заметил нас. Под его тяжелым взглядом мне захотелось провалиться сквозь каменный пол. Я знал, он никогда мне не простит того, что я слышал их разговор. Унижение тем легче пережить, чем

меньше у него свидетелей. Шумно вздохнув, как разъяренный бык, брат Рэми развернулся и ушел обратно к столу. Лис с некоторым удивлением посмотрел ему вслед, затем скользнул по нам с Айрой равнодушным взглядом и величественно направился к своим землякам.

— Эх, мне бы годков сто сбросить, — вздохнула моя собеседница мечтательно.

Я хотел было спросить ее, почему Рэми так взбесился, но она кивнула на канцлера. В самом деле, пришел и наш черед записаться. Я пропустил Айру вперед, а сам встал рядом. Что-то мне не слишком хотелось сейчас попадаться на глаза Рэми.

— Айра, — продиктовала женщина канцлеру. — Совет Благостных.

Я недоверчиво посмотрел на нее. Неужели, я не ослышался? Никто больше в комнате не обратил внимания на ее слова. Видимо, остальные уже знали. Айра обернулась ко мне и немного виновато улыбнулась. Совет Благостных — это не просто общество при церкви. Их в народе называют цепными ведьмами. Прежде, когда еще был расцвет культа Милосердной Девы, церковей не было вовсе. Люди с невероятными способностями собирались в общины, организовывали школы, передавая многовековые знания из поколения в поколение. Говорят, ведьмы и ведьмаки были способны защитить от засухи, вылечить скот,

поспособствовать щедрому урожаю, предсказать судьбу и многое другое. Не представляю, правда, как, обладая такой силой, они могли позволить Церкви одержать победу и превратиться в изгоев. Тех, кого поймали инквизиторы, отправили на костер, другие сбежали. А те, кто не захотел жить, оглядываясь постоянно через плечо и ожидая расправы, приняли приглашение Церкви. Они пришли под ее крыло и принесли ей присягу. Теперь все их силы были направлены на служение новой религии. Но, насколько мне известно, за последние годы Совет Благостных потерял многих своих людей, а новых поступлений уже не было. Те немногие, что еще оставались на службе, для церковников были еретиками, для своих братьев — предателями. Горожане презирали их трусость и боялись их необъяснимой силы. Так или иначе, у меня был повод смотреть на Айру иначе, когда я узнал, кем она является. И она это тоже понимала, поэтому тихо вернулась на свое место.

Писарь поднял на меня усталые глаза. Брат Рэми, к моей невероятной удаче, отвлекся на беседу с кем-то из своих людей.

— Имя, — вздохнул работник канцелярии.

— Ларс.

Я понял, что нет смысла называть свое настоящее имя, а ничего другого мне на ум не пришло. Когда отец отречется от меня, я все равно

останусь безымянным и безродным, так зачем же тянуть?

— Род занятий.

— Свободный человек, — ответил я.

Писарь даже не обратил внимания на мои слова. Он заполнил все графы, поставил подпись и с облегчением вздохнул.

— Неужели вы покончили с этим невероятно сложным делом? — рядом оказался брат Рэми. — Ну в таком случае, позвольте вас поздравить, самый тяжелый этап нашего похода преодолен, теперь остались сущие мелочи!

Я поспешно отошел. Мне только не хватало попасть под горячую руку. Как я понял, характер у брата Рэми тяжелый, и не хотелось бы портить отношения в первый же день. Возможно, нам предстоит долгое совместное путешествие. Я глянул в ту сторону, где сидела Айра. Она снова завернулась в свой плащ и дремала. Я не стал подходить к ней и занял другую пустую скамейку. Прошло около получаса, и брат Рэми сообщил, что мы направляемся обедать. Со стороны инквизиторов послышались возгласы одобрения. Шраванцы продолжали хранить гордое молчание. Нас провели в столовую, где рядами стояли грубые столы и лавки. Тарелки с пищей уже ожидали нас. Шраванцы заняли отдельный стол, а мне пришлось сесть рядом с Айрой напротив инквизиторов. Я

решил, что глупо будет сторониться этой женщины только из-за того, что она входит в Совет Благостных. Я тоже был изгоем в этой дружной компании, и у меня был выбор: оставаться одному или обзавестись хоть каким-то союзником. Едва ли церковники или шраванцы примут меня к себе с распростертыми объятиями.

Айра посмотрела на меня внимательно, пока я размазывал кашу по тарелке.

— Если ты думаешь, что они станут относиться к тебе хуже из-за того, что ты сидишь со мной, лучше держись в стороне, — произнесла женщина чуть слышно.

Мне стало стыдно. Я по-прежнему оценивал людей как сын Мадока и начальник городской стражи. Пора уже отвыкать от этой роскоши. Я Ларс, без роду и племени, неугодный Церкви.

— Мне безразлично, что они думают.

— Чтобы это больше походило на правду, ты должен был бы сказать это громче, — добродушно усмехнулась она. — Но для начала сойдет.

Напротив нас за столом сытые церковники оживились и принялись разговаривать, не слишком беспокоясь о том, что их могут услышать.

— Видели этого телохранителя? — спросил один из них.

— Кого он дурит? — отозвался обладатель невероятно широкого носа, который, кажется,

занимал все лицо. — У него по роже видно: сармантиец.

— Без сомнений, — подтвердил парень с копной рыжих волос. — Но как он пробрался в окружение наместника?

— Да они там все того, с головой не дружат, — отозвался немолодой церковник, бритоголовый с седыми усами.

— А я вот думаю, отец или мать? — задумчиво побарабанил пальцами по столу другой инквизитор.

— Да мать, конечно, — высказался широконосый. — Какая-нибудь сармантийская шлюха. Думаете, они только здесь за гроши продаются? Хотя, у них мужики тоже продаются как девки. Чумной народ!

— Да кто ж на это отродье позарится? — фыркнул рыжий, обернувшись и глянув на Лиса, который сидел со своими земляками и молча ел. — Ну, девки у них еще ничего бывают...

— Опомнись, ты служитель церкви, — прикрикнул бритоголовый и тут же добавил, усмехнувшись в усы, — хотя бывают, конечно.

Инквизиторы загоготали, продолжая отпускать грязные шуточки по поводу сармантийцев. Сидящая рядом со мной Айра шумно вздохнула и, строго глянув на веселящихся церковников, громко сказала:

— Не будьте дураками. Думаете, он вас не слышит?

— Помолчи, ведьма, — рыкнул бритоголовый. — Или ты собралась нам указывать, как себя вести?

— Да пусть себе слышит, — безмятежно отозвался рыжий, — мы его не боимся.

— Тогда подойдите к нему и скажите это, глядя в глаза, — предложила Айра сдержанно.

Инквизиторы огрызнулись в ответ, но притихли. Я с интересом посмотрел на свою соседку. А она старушка не промах. Похоже, церковники побаиваются ее. Она повернулась ко мне и подмигнула. Я посмотрел поверх голов представителей инквизиции на стол шраванцев. Те продолжали трапезничать в молчании, а Лис даже не глянул в нашу сторону. И все же я почему-то поверил Айре. Вполне возможно, он слышал все, что о нем говорили, но решил, что ниже его достоинства как-то реагировать на это.

— Скажи, а почему с этим походом такая спешка? — спросил я Айру, когда наши соседи по столу разбрелись.

Кроме нас в столовой остались только шраванцы и сидящий отдельно брат Рэми, обложившийся свитками.

— Если сюда успел прибыть шраванский корабль, то подготовка, должно быть, велась не

один месяц.

— Не один год, — поправила меня она. — Но одно дело — расплывчатые разговоры, а другое — решение епископа. Он принял его нынче ночью, тогда же, когда узнал о решении Гофийской империи.

«И тогда же, когда представитель церкви занялся работорговлей, — подумал я. — Какое занятное совпадение».

— Шраванцы прибыли по приглашению Его Высочества, — продолжила Айра, — для оказания помощи в поисках следов Пророка. Но на деле никто не знал, сколько им придется гостить у нас до начала похода. Если бы не объявление войны, речь могла идти о годах. Но теперь церкви как никогда нужно доказательство чуда, чтобы призвать на свою сторону больше союзников.

Значит, мы должны будем ни больше, ни меньше — отыскать это чудо. Неудивительно, что брат Рэми так взъелся на меня, и что епископ был недоволен моим участием в миссии. Это действительно привилегия и почетная обязанность. Мог ли я накануне подумать, что отправлюсь в поход на поиски Пророка, чтобы спасти Дорион? Айра посмотрела на меня и улыбнулась с грустью. Наверное, мои мысли были написаны у меня на лице.

— Малыш, это не за тобой? — спросила она,

глянув куда-то мне за спину.

Я обернулся и увидел своего отца. Я тут же оставил остатки обеда и направился к нему. Рональд Мадок положил мне руку на плечо и вывел из столовой. Все в таком же молчании мы покинули Церковь. Оказавшись на залитой солнцем площади, я посмотрел на своего отца. Как же он постарел. Седых волос стало больше, и темные круги залегли под глазами.

— Мы едем домой, — сказал он, подводя меня к карете.

Я не стал с ним спорить: самому хотелось оказаться в родных стенах.

— Его Высочество рассказал о том, что ты отправляешься с братом Рэми в поход, — произнес он негромко.

Кроме нас, в карете никого не было, и я сомневался, что кто-нибудь может нас подслушать, но почему-то ответил тоже шепотом:

— Так и есть.

Отец замолчал и повернулся к окну. Больше он не задавал никаких вопросов. Да и к чему были бы эти пустые разговоры?

Очутившись в своей комнате, я собрал рубахи, взял несколько пар штанов и чулок, сапоги и теплый шерстяной плащ с меховой отделкой. Огляделся. Почему-то именно сейчас, стоя в комнате, в которой прошла вся моя жизнь, я вдруг

осознал, что могу никогда не вернуться. Не знаю, почему я так подумал. Я шел не на войну, и не один, но сердце сжалось, как бывает в предчувствии беды. Я отмахнулся от этого неприятного ощущения и подошел к распахнутому окну. Мне на глаза попались обугленные стены сгоревшей псарни. Унылое зрелище натолкнуло меня на одну идею.

Подхватив тяжелый мешок со своими вещами, я спустился вниз по лестнице. Услышав мои шаги, мне навстречу вышел Рональд Мадок в сопровождении старого слуги.

— Я бы хотел проведать маму.

Отец не стал со мной спорить. Кажется, таким безмолвным и покладистым я не видел его никогда прежде. Львиная сила покинула его, оставив вместо себя лишь пугающую усталость. Я позволил старику-слуге обнять меня на прощанье, и мы с отцом покинули дом. Кучер направил лошадей в сторону улицы Королевской Милости. Мы редко ездили этой дорогой. Точнее сказать, почти никогда. Мой отец избегал этого места, во всяком случае, мне так казалось. Он довольно скупно рассказывал о том, что тут произошло. Это странно, если учесть, что именно после событий в Доме Послушания мой отец получил звание героя города. Но сейчас он был так погружен в свои мысли, что не заметил, как мы преодолели пустынную улицу.

Отодвинув штору, я глянул на оставшийся позади мрачный приют. Даже сейчас мне казалось, что кто-то пристально смотрит на меня из пустых черных окон.

Мы остановились возле входа в Скорбную Рощу. Отец сделал движение, будто собирался выйти, но в то же время не проявил должного рвения. Я прекрасно понимал, в чем дело. Он не хотел идти. Думаю, потеря моей матери была для него куда более сильным ударом, чем он стремился показать, и проведывание ее могилы было для него тягостной обязанностью, не приносящей облегчения.

— Позволь, я сам, — мягко сказал я.

Он сдержанно кивнул, но в его глазах я прочел благодарность. На этот раз мне было необходимо зайти в склеп самостоятельно. Закрыв за собой тяжелую дверь, я замер на какое-то время. Вдруг мой отец решит все же преодолеть свое нежелание и составить мне компанию? Но этого не произошло. Я присел возле стены и, отодвинув камень, достал свой сундучок. Все, что мне было нужно, это гребень. Остальное дождется меня здесь, я не сомневаюсь. Спрятав гребень за пазуху, я вернул сундук на прежнее место и закрыл камнем.

— Прощай, матушка, — я дотронулся до каменной таблички и вышел.

Отец ничего не сказал, когда я вернулся.

Кучер крикнул на лошадей и подхлестнул их поводьями.

— Ты должен отречься от меня.

Я знал, что рано или поздно это придется обсудить. Отречение не было обычным делом в столице. Конечно, чаще всего это делалось за закрытыми дверями, но слухи умеют проползать в любые щели, как тараканы. Только один раз на моей памяти отречение было публичным, но то скандальное дело не имело ничего общего с моим случаем. После того, как появилась Церковь, изгнание из рода стало более частым, чем прежде. Родители, которых признавали виновными в ереси, отрекались от своих детей, желая сохранить тем если не состояние, то хотя бы жизнь и свободу. Братья отказывались от овдовевших сестер, не желая содержать голодающее семейство за свой счет. Разное бывало, и мой случай едва ли станет особым для кого-то, кроме нашей семьи.

— Сделаем то, что требуется, — глухо отозвался отец.

Я посмотрел на своего старика и впервые за всю жизнь испытал к нему жалость. Не страх и почтение, уважение и, возможно, любовь, а именно жалость. Лишаясь всего, я оставался жив, и меня ожидало невероятное путешествие, которое, возможно, принесет не только искупление в глазах Церкви, но и славу героя. А что досталось отцу?

Пустой дом и воспоминания о былом.

— Ты вернешься в городскую стражу? — спросил я его.

Отец покачал головой:

— Я для этого слишком стар. Назначу кого-нибудь. Только не Ивара, сам понимаешь.

Я усмехнулся, и на губах моего отца тоже появилось бледное подобие улыбки. У меня сердце сжалось от невероятной тоски, и я, наплевав на привычную в нашем общении сдержанность, сказал:

— Ты только дождись меня, папа.

Он повернул ко мне голову и впервые с того момента, как мы вдвоем покинули Церковь, посмотрел мне в глаза.

— И когда ты успел повзрослеть? — задумчиво спросил он.

А на самом деле это означало: «Не волнуйся за меня, сын, твой старик еще повоюет».

Наша карета остановилась у неприметного здания королевской канцелярии. Однажды мне уже приходилось здесь бывать, когда я получил должность капитана стражи. В тот день мне казалось, что это здание выглядит невероятно торжественно, а сегодня я увидел сходство канцелярии со склепом: серые стены снаружи, серые стены внутри, и тихие, почти незаметные люди-тени. Вслед за отцом я поднялся по лестнице

на второй этаж и вошел в одну из множества безликих дверей. За столом сидел маленький человечек с длинным носом и розовыми веками. Я сперва подумал, что это тот же писарь, что был сегодня в Церкви, но спустя миг понял, что ошибся.

— Мы вас ожидаем уже полчаса, — скрипучим голосом сообщил он при нашем появлении и ткнул длинным носом в сторону песочных часов у себя на столе. — Вы полагаете, у канцелярии нет более важных дел?

Отношение писарей к посетителям напрямую зависело от того, по какому вопросу те пожаловали. Когда я пришел получать должность, работник канцелярии стелился передо мной как сармантийский попрошайка, заискивающе смотрел в глаза и обращался не иначе как «достопочтенный господин».

Он, не глядя на нас, позвонил в колокольчик и принялся заполнять бумаги. В дверь зашел низенький лысый человек, похожий на крота. В прошлый раз я тоже его видел, это хранитель канцелярской печати.

— Господин Рональд Мадок, — обратился писарь к моему отцу, не поднимая головы, — подтверждаете ли вы, что в здравом уме, добровольно и без принуждения, не руководствуясь получением скрытой выгоды, и без желания нанести какой-либо вред государству или Церкви

лишаете своего сына родового имени, тем самым избавляя его от любых прав на наследство и привилегий?

Отец шумно вздохнул. Мне на миг показалось, что он может ответить слишком резко, как это было в его характере. Но Рональд Мадок распрямил плечи, как человек, готовый с честью встретить пугающую неизбежность:

— Да, я подтверждаю.

Писарь что-то записал и, макнув перо в чернильницу, сказал:

— Эйрон Мадок, с момента подписания сего документа вы не будете иметь права претендовать на отношение к роду Мадоков. Вы будете вписаны под новым именем, и любое использование вами фамилии Мадока будет расценено, как попытка выдать себя за того, кем вы не являетесь. За это полагается наказание в виде лишения свободы на срок до двух месяцев либо работа в шахте в течение недели, либо денежная компенсация, назначенная в судебном порядке.

Я поставил свою подпись рядом с расплывчатой росписью отца. Документ скрепила печать. Мы спустились по лестнице, вышли на улицу и остановились у входа. Только что для целого государства мы стали чужими людьми. Казалось бы, это всего лишь чернильные символы на бумаге, не имеющие никакой силы. Но мне

почему-то казалось, что оболочка, защищающая меня от целого мира с момента рождения, лопнула.

— Прощай, сын, — сказал Рональд и крепко обнял меня.

Я не помню, когда он вообще проявлял подобные чувства, а потому даже растерялся. Я похлопал его по спине и сказал:

— Береги себя, папа.

Не глядя на меня, он развернулся и сел в карету. А я, постояв немного на месте, побрел в сторону Дворцовой Площади. Каждому из нас сейчас нужно было побыть одному, и лишнее время, проведенное вместе, только сделает прощание еще тяжелее.

Я шел по улице святого Антония, названной так в честь близкого друга Пророка Лазериана, который сопровождал того во всех странствиях. Мимо в суете пробегали горожане, занятые своими делами, но мне почему-то казалось, что каждый из них незаметно косится в мою сторону. Конечно, они еще не могли знать, что отныне я больше не сын героя Эйнерина, не капитан стражи. Я никто.

— Эй, красавчик!

Повернув голову, я заметил прогуливающихся с полными корзинами цветов двух мастериц с улицы Семи Песен. Одна из них помахала мне рукой:

— Когда юный капитан проведает своих

верных девочек? Мы хотим присягнуть на верность господину Эйрону Мадоку!

С этими словами она провела рукой по округлой груди, выпятив пышные губки. Я отвернулся и прибавил шагу.

— Слушайте! Слушайте!!! — надрывался глашатай, — нынче после вечерней службы все жители Эйнерина соберутся на Дворцовой площади, дабы услышать слово Его Превосходительства епископа Конседина! Слушайте! Слушайте!

Интересно, о чем епископ собирается говорить? Возможно, о войне? Или о предстоящем походе? Не представляю. Впрочем, вряд ли у меня будет время послушать.

На этот раз инквизиторы пропустили меня в Церковь, не задавая никаких вопросов. Память у ребят была отличная. Стоило очутиться в зале, как поблизости снова возник тот же мальчик-ученик. Он проводил меня на задний двор. Здесь расположилась широкая площадка, поделенная на секторы для верховой езды, для фехтования и для стрельбы из лука и арбалета. Значит, вот где инквизиторы оттачивали свое мастерство! Вот уж не думал, что смогу побывать здесь. Мое внимание привлекли двое шраванцев, демонстрирующих свое мастерство фехтования. Их предводитель по имени Лис стоял рядом с ними, следя за каждым

движением и отдавая какие-то команды. Я знал, что шраванцы предпочитают более легкое оружие, нежели наши воины, что и неудивительно: в краях жарких песков никто не пользуется тяжелыми доспехами. Там имеет значение лишь быстрота и ловкость владения оружием, тогда как в наших широтах нанести вред врагу возможно, только пробив его металлическую защиту.

Я так увлекся зрелищной тренировкой шраванцев, что не заметил, как ко мне подошел брат Рэми.

— О, прекрасная леди, надеюсь, вы собрали все свои шляпки?

Я вздрогнул от неожиданности и удивленно посмотрел на него. Инквизитор кивнул на мешок, который я положил рядом с собой.

— Ах, это ты, — он сделал вид, что только что узнал меня, — а я полагал, что какая-то девица решила скрасить нашу компанию, и для того принесла свои лучшие бальные платья.

Судя по всему, настроение у него по сравнению с утром не изменилось в лучшую сторону, но я не хотел уступать ему и на этот раз.

— Вы полагаете, что мне не стоит брать эти вещи? — поинтересовался я у него. — Что ж, тогда давайте озадачим портных, которые только сегодня получили полный список людей, отправляющихся в поход. Конечно, я мог бы порадовать их и сказать,

что всем необходимым обеспечил себя сам, или утопить свой мешок и добавить им работы. Что же выбрать, ума не приложу!

Брат Рэми смерил меня яростным взглядом и пугающе тихо произнес:

— Не сомневаюсь, ты привык, что все обращаются с тобой как с избранным благодаря богатству, титулу и заслугам твоего отца перед городом. Но это в прошлом, дитя мое. Я имел честь беседовать с Его Превосходительством епископом Конседином. С сегодняшнего дня все будет иначе. Начнешь чистить и кормить лошадей, выполнять каждое требование.

— Значит, вы берете меня в качестве слуги? — уточнил я.

— Нет, дитя, — неожиданно улыбнулся он, хотя глаза его оставались ледяными, — своим слугам я доверяю, а тебе — нет. Я буду следить за каждым твоим шагом.

— Будьте так любезны, — пожал я плечами. — Сомневаюсь, что тогда у вас останется время для вашей миссии.

Он злобно сверкнул глазами, развернулся и пошел прочь, к оружейникам. Те стояли у стены, разложив перед собой на мешковине свой товар: мечи, булавы, кинжалы, ножи. Возле них толпились почти все инквизиторы и даже двое шраванцев.

— Лучше не серди его.

Я обернулся и увидел рыжего церковника, одного из тех, что сидели напротив за обедом. Он смотрел на меня без враждебности, что было удивительно.

— Этот Рэми полагает, что мне здесь не место, — сказал я.

— Так и есть, — усмехнулся парень, и я не мог ему возразить. — Дело в том, что ты стал кричать, будто Церковь занимается работорговлей.

— Я этого не говорил.

— Я был этой ночью в Доках, — сказал рыжий, прищурившись от солнца. — И видел, как тебя приложили по башке. После такого всё, что угодно, могло померещиться. На самом деле, все мои братья это понимают, но не жди, что к тебе сразу будут относиться с терпением.

Я этого и не ждал, и все же был благодарен ему даже за эти несколько слов. Осмотревшись, я обнаружил Айру. Она сидела на куче сена и смотрела на фехтующих шраванцев. Я подошел ближе, и женщина приветливо улыбнулась:

— Рада, что ты вернулся, малыш. Твое милое личико скрашивает долгие бессмысленные часы ожидания.

— Я думал, их скрашивает этот сармантонец, — усмехнулся я, кивнув в сторону Лиса.

Тот как раз что-то пояснял своим

подопечным, и, судя по тону, был крайне недоволен. Айра шутливо погрозила мне пальцем:

— Эх ты, дерзкий мальчишка, нашел, в чем упрекнуть старуху.

Я поставил свой мешок на землю и огляделся. Возле оружейников толпа поредела. Наверное, потом и мне следует к ним подойти. Даже если брат Рэми намерен сжить меня со свету, я не собираюсь отправляться в путь с пустыми руками. Заскучавшая Айра так обрадовалась моему обществу, что решила заочно познакомить меня со всеми инквизиторами. Рыжего парня, который недавно говорил со мной, звали Ардан. Мы с ним были ровесниками. В Церкви он служил чуть больше пяти лет, регулярно отправляя свое небольшое жалование в деревушку для матери. Бритоголовый усатый инквизитор именовался Оливером. Он пришел в Церковь уже в зрелом возрасте, сделав сознательный выбор и отказавшись от поклонения Милосердной Деве. Он никогда не говорит о своем прошлом, считая, что переродился, приняв в свое сердце Пророка. Владелец невероятно широкого носа звался Тэд. Он был выпивохой и задирой, пока не надел рясу. Впрочем, с тех пор ничего не изменилось. Разве что, у него появилось меньше свободного времени, чтобы развлекаться в кабаках, затевая драки. Одар, Том и Рурк были братьями-погодками. Товарищи

по-доброму шутили, что их матушка Луиза будет достойна звания святой за то, что она так серьезно подошла к вопросу снабжения Церкви крепкими воинами. Братья на такое не обижались, и, кажется, даже гордились. О прочих Айра ничего интересного рассказать не могла. Они сравнительно недавно перешли из простых церковников в инквизиторы, и ей еще не приходилось сталкиваться с ними. Знала только, что приземистого Хаша чаще можно увидеть на церковной кухне, чем на службе. Джек почти всегда молчит, Франк — бывший торговец. Люк еще недавно заготавливал свечи, Вилли — конюх, Мартин и Ошиан до пожара работали в королевской псарне, а Рик укрылся в стенах церкви от справедливого для вора наказания. О брате Рэми моя пожилая приятельница сказала коротко: «Глупый, но искренний». Думаю, я понимаю, что она имела в виду.

Тем временем основная толпа инквизиторов переместилась ближе к тренировочному сектору, где коротали время шраванцы. Оливер, Тэд и трое братьев остановились неподалеку от нас. Сложив руки на груди, они с напускным безразличием наблюдали за боем.

— Интересная техника, — задумчиво произнес бритоголовый.

— Ха! И я так могу, — фыркнул широконосый забияка. — Это разве бой? Пусть

пойдут к нам на улицу Семи Песен! Там девки точно так вертятся за грош.

Шраванцы не обратили внимания на его слова, продолжая свое занятие. Я подозревал, что кроме Лиса, никто из них не знает нашего языка. Но даже он проигнорировал высказывание инквизитора.

— Другое дело нормальный меч, — продолжил Тэд, повысив голос и явно намереваясь привлечь внимание шраванцев. — Вот это настоящее оружие для мужчины. Тут берешь и чувствуешь, что в твоей руке — сила. Один удар — и все.

— В пустыне ты много не навоюешь с таким мечом, — возразил Одар, младший из братьев. — Только сомневаюсь, что им поможет это в походе. Разве что, если будут искать лазейки в доспехах.

— Да не будут, — еще громче ответил Тэд, — их же ведет сармантиец. А знаешь, как говорят? Сармантийцы никогда не сражаются, им проще ноги раздвинуть.

— А мужикам? — фыркнул Оливер.

— А где ты видел сармантийцев-мужиков? — загоготал тот.

Даже хваленая выдержка шраванцев дала трещину. К моему удивлению, отреагировал не Лис, а его спутники. Тренировочный бой прекратился, и шраванцы развернулись к Тэду. К

этим двоим мгновенно присоединились еще трое товарищей, и все они, обнажив клинки, враждебно смотрели на того, кто позволил себе подобные высказывания в адрес командира. По их поведению я догадался, что наш язык они прекрасно понимают. Лис остался стоять за ними. Я посмотрел по сторонам: брата Рэми поблизости не было, и, возможно, без его вмешательства начнется нешуточная потасовка. В конце концов, Тэд долго испытывал терпение гостей.

— Тише, тише, — поднял руки Оливер, обращаясь к союзникам с востока, — вы ведь не намерены проливать сейчас кровь? Брату Рэми это не понравится.

— В таком случае, заткни пасть этому псу, — сказал Лис, кивая на Тэда. — Мне надоело его твяканье.

Тэд возмущенно зарычал, и в рядах инквизиторов послышался неодобрительный шепот.

— Он оскорбил тебя? — поднял брови бритоголовый, изображая изумление. — Так ответь ему сам, а не прячься за спины своих людей!

Лис рассмеялся и сплел руки на груди:

— Скажи мне, дорионец, а твой принц сам вычищает дерьмо на конюшне или это делают за него другие?

— Ты назвал меня дерьмом? — пророкотал

Тэд и двинулся вперед, не обращая внимания на то, что в его сторону направилось пять острых мечей. — Сейчас посмотрим, сармантиец, кто здесь настоящий воин.

На лице Лиса отразилось легкое изумление. Я с замиранием сердца следил за происходящим. Кажется, скука нам больше не грозила. Я лишь надеялся, что брат Рэми не явится сюда в самый неподходящий момент и не прервет такое великолепное представление.

— Только ты и я, сейчас! — крикнул Тэд, доставая меч из ножен.

Лис поднял брови, но возражать не стал. Он коротко что-то сказал на шраванском языке своим землякам, и те мгновенно отошли в сторону. Все, кто был на площадке, сбегались поближе, чтобы не пропустить увлекательного зрелища. Прочие дела были забыты. Айра недовольно поджала губы и пробормотала:

— Глупые мальчишки.

— До первой крови, — объявил Одар громко, чтобы все услышали.

Лис и Тэд остались посреди тренировочного поля. Огромный меч инквизитора был в половину роста сармантийца, в то время, как у того в руках был тонкий клинок, напоминающий кинжал.

— Если брат Рэми появится, тебе несдобровать, — заметил Оливер, обращаясь к

Тэду, но тот ничего не ответил.

Со стороны инквизиторов послышались ободряющие восклицания. Так как Лис не шевелился, Тэд первым шагнул вперед и отвел меч в сторону для сильного удара. Впрочем, нам не суждено было полюбоваться грандиозным поединком. Стоило Тэду приблизиться к предводителю шраванцев, как тот вдруг шагнул ему навстречу и поднырнул под руку с мечом. Ловким движением Лис перевернул в руке кинжал и резко ударил рукоятью прямиком в переносицу Тэда. Я сморщился, услышав неприятный хруст. Сармантиец отошел в сторону, убирая оружие в ножны. Взбесившийся от боли инквизитор, несмотря на текущую по его лицу кровь, кинулся за своим противником. Но тут уже подоспели его товарищи. Трое братьев схватили великана за плечи, а Оливер отобрал меч.

— Хватит, — прикрикнул бритоголовый строго. — Было сказано: до первой крови. Теперь успокойся и пройди к лекарю.

— Это еще не конец, сармантиец! — крикнул Тэд, кипя от злости. — Слышишь?

Я посмотрел в сторону шраванцев. Они следили за действиями инквизиторов с интересом, как за чем-то весьма потешным. Лис что-то негромко сказал им, и шраванцы рассмеялись. Их смех еще больше взбесил Тэда, которого трем

братьям еле удалось отвести в сторону. Прочие инквизиторы принялись шепотом обсуждать произошедшее, косясь в сторону шраванцев.

— Интересно, что он сказал, — произнес я вслух, глядя на Лиса, который теперь с преувеличенным старанием полировал рукоять кинжала пучком соломы.

— Он сказал, что по такому носу трудно было не попасть, — ответила Айра.

Я удивленно повернулся к ней:

— Ты знаешь шраванский язык?

— Совсем немного, — кивнула она. — В моем детстве купцы из Шравана часто приезжали сюда, и я со своей матерью ходила любоваться всякими диковинками, которые они привозили. Не заметила, как понемногу начала понимать, что они говорят.

Когда стемнело, на тренировочной площадке расчистили место для костра. По традиции накануне любого важного дела устраивался пир. Неважно, собирались люди на войну или за урожаем, считалось, что удача способствует лишь тем, кто умеет радоваться. Пусть этому обычаю было много сотен лет и его можно было назвать пережитком прошлого, Церковь не стала лишать людей возможности расслабиться напоследок.

Костер разгорелся на славу. Кажется, его жадные языки готовы были слизнуть звезды с неба. Еды и вина было вдоволь, и я, набив брюхо сытным

ужином, уселся возле огня. После выпитого жизнь воспринималась несколько иначе. Да и был ли повод для грусти? Я все-таки получил у оружейника меч, кинжал и даже щит. В довесок мне достались кожаные доспехи и шлем. Я был готов к походу как никогда. А что бы ожидало меня здесь? Медленная смерть от скуки на посту капитана стражи, если только люди из Доков не позаботились бы обо мне и не отправили на корм рыбам. Рано или поздно отец бы потребовал, чтобы я женился. Один день был бы похож на другой, и со временем, в этом нет сомнений, я бы превратился в точную копию своего отца, готового ночевать на службе, чтобы только не появляться дома. Хотя, возможно, всего бы этого не произошло, поскольку Дорион, неподготовленный к нашествию гофов, вынужден был бы сдаться. Или мы бы погибли, защищая свою родину. Теперь же мне выпала честь отправиться на поиски Пророка. Неважно, как я попал в эту компанию, но все мы, абсолютно все, станем героями. Пускай даже никто, кроме меня, этого сейчас не понимает.

— Хорош костер, — со знанием дела пробасил Тэд, подходя к огню. — Эх, жаль, зря пропадает. Ведьму бы сюда.

Инквизиторы громко заржали, услышав его слова. Стоящая неподалеку Айра спокойно посмотрела на обидчика и произнесла:

— Как твой нос, Тэодор?

Тот угрюмо притих, а заметив подошедшего в круг света предводителя шраванцев, вовсе куда-то ушел, бормоча что-то оскорбительное в адрес всех окружающих.

Лис присел и посмотрел на огонь. Я осторожно, чтобы он не заметил, косился на него. Он какое-то время просидел в молчании, затем достал из складок одежды золотую монету, бросил ее в костер и что-то сказал сквозь зубы. Мне показалось, что он помолился, хотя это было похоже на какую-то очень злую молитву, судя по его тону.

— Эй, красавчик, — окрикнула его Айра, присаживаясь рядом со мной, — смотри не обожгись.

Лис повернулся к ней, в его глазах мелькнуло удивление. Айра смотрела с добродушной насмешкой, как заботливая и любящая бабушка на проказника-внука.

— Что он сказал? — негромко спросил я ее.

— Он сказал: «О, небо, смилуйся над нами. Зачем ты посылаешь этих диких псов, старуху и мальчишку вместо настоящих воинов?»

— Это он нас назвал «дикими псами»? — откликнулся Оливер, который как раз подошел ближе.

— Ну, если ты не считаешь себя старухой или

мальчиком, — усмехнулась Айра.

Лис выпрямился и обвел взглядом инквизиторов, собравшихся вокруг костра. За его спиной словно по команде выросли пятеро шраванцев, готовых в случае необходимости защитить своего предводителя. Я подумал, что, возможно, на этот раз тоже не обойдется без потасовки, но ошибся.

— Не судите нашего гостя из солнечного Шравана слишком строго.

Инквизиторы расступились, пропуская вперед брата Рэми. Он подошел ближе к свету и остановился, глядя на сармантыйца сверху вниз.

— Наш обычай готовиться к походу может показаться заморским друзьям дикостью. Господин Лис, я знаю, что в Шраване иначе относятся к употреблению крепких напитков, у вас особая культура и, несомненно, она заслуживает немалого уважения. Но позвольте вам напомнить, что вы более не в Шраване. Вы теперь в Дорионе.

Говорил брат Рэми невероятно вежливо, и никто не смог бы упрекнуть его в резкости. Но одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что скрывалось за этой речью. А сказал брат Рэми примерно следующее: «Знай свое место, гость, и помни, что вас только шестеро, а нас — целое государство». Я был уверен, что Лис прекрасно понял правильный смысл слов, поэтому

он, преодолев гордыню, чуть склонил голову, выражая согласие. «Будь по-твоему на этот раз», — вот, что означал его взгляд.

Брат Рэми едва заметно улыбнулся и отошел в сторону. Этот бой он покинул победителем, но я точно знал, что между этими двумя мира не будет.

Постепенно инквизиторы разбрелись, кто куда. Одни уснули прямиком на сваленном сене, другие собрались кучкой и принялись травить байки про героические деяния да охоту на еретиков. А я так и остался сидеть на месте. Айра сидела рядом и клевала носом. Кроме нас двоих у костра остались только шраванцы. Они тихо переговаривались между собой, и я прислушивался к их мягкому языку, хотя ни слова не понимал. Один из воинов что-то сказал Лису, и тот в ответ покачал головой. Остальные шраванцы уже настойчивее повторили просьбу своего товарища, и их предводитель устало вздохнул, будто принял поражение в этом споре. Затем он посмотрел на огонь и вдруг что-то прошептал. Ну, вернее, мне показалось, что он начал шептать, но затем я понял, что он тихо поет. У него был очень мелодичный голос. Прежде мне доводилось слышать талантливых бардов, но здесь было что-то другое. Я не понимал, о чем песня, но мне этого и не требовалось. В глазах и голосе Лиса была печаль, для которой не требовался перевод. Айра

проснулась и плотнее завернулась в свой плащ. На лице у нее появилась грустная улыбка. Кажется, песня и ее унесла в какие-то воспоминания. Даже инквизиторы притихли и осторожно приблизились к костру, прислушиваясь к голосу сармантийца. На меня вдруг навалилась такая тоска, что жить расхотелось. Все, в чем я недавно себя убеждал, все мои мысли относительно предстоящего похода в одно мгновение рассыпались пылью.

Лис замолчал и с некоторым недоумением посмотрел на замороженные лица инквизиторов. Те не сразу поняли, что песня закончилась, и начали виновато озираться, будто почувствовали стыд. Кто-то даже сплюнул и со злостью проворчал: «Сармантийцы хреновы». Кажется, это был Тэд. Инквизиторы поспешно вернулись по своим местам, шумно обсуждая детали запланированного похода, словно хотели скорее забыть, как слушали песню, разинув рты.

Шраванцы о чем-то негромко перешептывались. Мне показалось, что Айра вновь заснула, и я, окрыленный выпитым вином, обратился к сармантийцу:

— О чем эта песня?

Разговор мгновенно прекратился и Лис очень медленно повернул голову ко мне. В его глазах явно читалось изумление: «Как?! Он еще и разговаривает?» Но я предпочел посчитать, что на

этот раз моя интуиция ошиблась, и предводитель шраванцев вовсе так не думал. Вдоволь насмотревшись на меня, Лис хмыкнул и ответил:

— О моей возлюбленной. Я оставил ее накануне свадьбы в далеком Шраване, чтобы помочь почтенному брату Рэми в его поисках. Разлука пронзает мое сердце подобно отравленному кинжалу и ничто не может утешить меня. Не будь я воином, то пролил бы немало слез, но честь не позволяет мне демонстрировать печаль. Песня — единственное мое спасение.

Я растерянно моргнул, не ожидая такого ответа. Лис еще какое-то время пристально смотрел на меня, а потом вдруг весело рассмеялся, и товарищи подхватили его смех. Я почувствовал себя глупцом, и всерьез разозлился. Шраванцы, продолжая бросать на меня насмешливые взгляды и довольно улыбаться, поднялись и направились ко входу в Церковь. Я повернулся к Айре. Конечно, она не спала, а смотрела на меня с сочувствием, хотя на губах у нее была улыбка.

— То, что он сказал — неправда? — уточнил я, хоть и сам уже понял.

— Если ты о содержании песни, то каждое слово — отборная ложь, — подтвердила она.

Я раздраженно провел рукой по волосам. За кого он себя принимает, этот сармантиец? Надеюсь, брат Рэми собьет с него шраванскую спесь.

— А о чем была эта песня? — спросил я Айру.

— О пустыне, — ответила она. — О бесконечных песках.

— Песня о песке? — фыркнул я. — Только шраванцы могут петь песню о песке.

Айра тихонько рассмеялась. Не знаю, что ее так насмешило. Может, ей стоило пойти за Лисом? Они вдвоем могли бы вдоволь надо мной посмеяться. Хотел сказать это вслух, но вместо этого зевнул.

— Ты совсем измотался, дитя, — вздохнула Айра. — Иди, отдыхай. Завтра нам всем предстоит долгий путь.

Я не стал с ней спорить. У меня и впрямь слипались глаза. Я разбудил сидящего у входа мальчика-ученика. Пришлось несколько раз повторить ему, кто я и что мне нужно, прежде чем тот понял. Растерянно моргая, он поднялся и повел меня куда-то по запутанным коридорам. Наконец, я очутился в общей спальне. Здесь было душно, и стены содрогались от храпа Тэда, но стоило лечь на свободную койку, как я моментально уснул.

Следующий день начался почти что ночью, точнее говоря, спустя всего часа четыре после того, как я закрыл глаза. Когда Оливер разбудил меня, хорошенько встряхнув за плечо, в голове все смешалось. Поначалу подумалось, что я в собственной спальне, и зачем-то слуга решил

прервать мой сладкий отдых. Я уже собирался прикрикнуть на него, не открывая глаз, но вспомнились Доки и темница. «Должно быть, я все еще в камере», — размышлял мой спящий разум. Лишь заставив себя открыть глаза, я начал вспоминать, что произошло. Вокруг суетились сонные хмурые инквизиторы. Их помятые лица выражали ненависть ко всему живому, а взгляды были мутными и безумными. Тем не менее, в отличие от меня, они четко соображали, что нужно делать. Подозреваю, они даже не задумывались об этом, продолжая спать на ходу. Я же поднялся, отнес мешок на конюшню и успел оседлать какую-то лошадь, прежде чем осознал, что все это мне приснилось, а я так и продолжаю сидеть на койке.

— Эй, золотой мальчик!

Я повернул голову и увидел стоящего возле меня Оливера.

— Тебя донести на руках?

Я заставил себя встать. Подняв мешок с пожитками, пошел вслед за остальными во внутренний двор. Суета продолжалась возле конюшен. У господ из Шравана были собственные лошади, отличающиеся от наших, из редкой породы Тиар-Ша, выведенной южанами. Длинноногие, изящные и своенравные, как сами шраванцы. И это стало причиной нешуточного спора,

разгоревшегося между братом Рэми и Лисом. Увы, я не знаю, с чего все началось, и жалею об этом. Было ясно, что эти двое не дадут никому заскучать в походе. К тому моменту, как я услышал их перебранку, брат Рэми уже выглядел как взбешенный лев: глаза грозно горели, ноздри раздувались, и только невероятное самообладание и гордость не позволяли ему сорваться на крик.

— Посмотри на ноги своих лошадей, — сквозь зубы говорил он, — они что, способны выдержать подъем по камням? Они первые полетят в ущелье, понимаешь?

— Это дар нашего владыки, — спокойно отвечал ему сармантиец.

— Помощь вашего владыки неоценима! Он послал тех, кто не выдержит ни холода, ни долгого пути, не тяжести доспехов!

— Ты говоришь о моих лошадях или о моих людях? — уточнил Лис, продолжая демонстрировать раздражающую сдержанность.

— Почему я не знал о шраванских лошадях вчера? — этот вопрос разгневанный Рэми задал перепуганному конюху, забившемуся в угол между двумя стогами сена. — Где я сейчас отыщу им замену? Может, я должен сам выписать их у гвардейцев и потратить время до полудня?

— Не вижу необходимости, брат, — заметил Оливер. — Наш путь проходит через Доли, и мы

можем заехать в Пудрофен.

Рэми посмотрел на него, и ярость в его глазах сменилась согласием.

— Седлайте лошадей, — велел он. — Выступаем.

Я стоял, растерянно озираясь по сторонам. Что-то подсказывало мне, что если затею разговор о том, что у меня нет лошади, Рэми попросту казнит меня на месте. Моим спасением был рыжий инквизитор Ардан.

— Тебе того белого определили, — сказал он, кивая на стоящего в дальнем углу белоснежного жеребца, у которого одно ухо было оранжевым. — Беленус звать.

Я с сомнением посмотрел на животное. Тонкие ноги, искрящийся взгляд, беспокойное фырканье.

— Это жеребенок, — я покосился на Ардана. — Его давно от мамки оторвали?

— А тебя? — хохотнул проходящий мимо Тэд, услышав мои слова.

Я проводил его хмурым взглядом, но отвечать не стал. Я еще не настолько проснулся, чтобы контролировать свою речь и не сказать лишнюю грубость. Ардан подмигнул мне, подбадривая:

— Не бойся, он объезженный. Ну, молодой, так зато сойдется легче. Все лучше, чем пешком идти.

Тут я был с ним согласен. Отдав свой мешок Рурку, занимающемуся телегой с вещами, я прошел к своему жеребенку. При моем приближении он взволнованно засуетился и повернул голову набок, как птица, чтобы не упускать меня из виду. Я увидел свое отражение в его большом глазу.

— Так, Беленус, — с нажимом произнес я, помня, что животным нужно сразу показать, кто хозяин, — Бел... ты теперь мой.

Я протянул руку и погладил его по щеке. Он не отдернул голову, и мне это показалось хорошим знаком. Беленус был невысок, и я без труда взобрался в седло. Верховой езде я обучался, но давно не практиковался. Видимо, мою неуверенность почувствовал жеребенок, который тут же начал фыркать и перебирать ногами, будто готовясь сбросить меня. Я крепче ухватил поводья, мысленно пообещав животине порку, если она позволит себе вольности.

Наконец, все приготовления завершились, во что верилось с трудом, и мы выдвинулись через внутренний двор к воротам. Возглавлял наше конное шествие брат Рэми, за ним шли инквизиторы, следом шраванцы, и лишь затем я, Айра и две груженные телеги. Каково же было мое удивление, когда я увидел толпу людей, стоящих на площади. Заметив нас, люди начали хлопать в ладоши, что-то приветливо кричать. Я в

недоумении озирался по сторонам. От людей нас ограждали гвардейцы и инквизиторы, расчищающие дорогу.

— Удачи! Удачи! — слышалось со всех сторон. — Да прибудет с вами милость Пророка!

На возвышении посреди Дворцовой Площади я заметил епископа в окружении верных инквизиторов. Он стоял, прикрыв глаза, и пел молитву. Ему вторил выстроившийся вокруг постамента хор служителей Церкви. Толпа постепенно подхватывала слова песни-молитвы, и вот уже со всех сторон звучали смазанные слова, которые и разобрать-то было невозможно. И все же странное чувство посетило мое сердце. С нами прощались как с героями. Это было... невероятно. Мой сон как рукой сняло, и плечи распрямились сами собой. Кажется, даже своенравный Бел пошел ровнее и прекратил попытки сбросить меня. Инквизиторы шумно реагировали на проводы, отвечая толпе. Шраванцы же ехали, подняв головы и будто не замечая того, что происходит вокруг. Впрочем, на Айру это тоже не произвело впечатления. Она ехала позади меня, тихо посмеиваясь.

— Будь моя воля, я бы до сих пор спала, — услышал я ее слова. — Неужто им заняться нечем?

Меня это немного задело, поскольку я принял ее насмешку на свой счет. От ее внимания, конечно,

не ускользнуло то, как инквизиторы откликались на приветствие толпы, и как это подействовало на меня.

— Возможно, они видят в нас своих спасителей? — сказал я, надеясь, что она меня услышит.

Айра снисходительно посмотрела на меня, и от этого ее всепонимающего взгляда стало еще неуютнее.

— Ты прав, мальчик, просто я стара и во всем ищу темную сторону. Вот и теперь я вижу людей, что пришли поглазеть на выступление шутов. Но это все больная спина. Мои древние кости не дают выспаться, и оттого я злюсь на целый свет.

Я прекрасно понимал, что она сказала это из жалости ко мне, и отвернулся от нее.

Среди множества незнакомых лиц я так и не отыскал своего отца. Возможно, он, как Айра, видел в нашем шествии что-то неподобающее. Хотя, может быть, он был здесь, только я его не разглядел. На площади и главных улицах собрался весь город, весь Эйнерин. Стоящие в первых рядах девушки дарили нам свои прелестные улыбки и воздушные поцелуи. Я не чувствовал подобной гордости, даже когда занял пост капитана стражи.

Наконец, мы выехали из города на широкую дорогу, именуемую Стрела Тиля. Согласно легенде, когда братья Эйнерин и Пудрофен пришли в эти

земли и решили разделиться, чтобы не омрачать свои кровные узы ссорой из-за земель, они позвали лучшего лучника по имени Тиль и велели ему выстрелить в любую из сторон так далеко, как только он сможет. Мастер так и поступил, и там, где стрела упала, для младшего из братьев был основан город, который так и был назван — Пудрофен. Конечно, это только легенда. Путь от столицы до второго по величине торгового города был неблизким и занимал целый день пути, если гнать лошадей. Ни одна стрела не пролетела бы столько, это каждому понятно. Но разве это так уж важно?

Вдоль дороги тянулись торговые караваны. Завидев нас, сонные торговцы уводили лошадей в сторону, освобождая дорогу, а затем провожали удивленными взглядами. Какое-то время доставшийся мне конь вел себя прилично. Я даже успел расслабиться и забыть о том, что под моим седлом стремительно выросший жеребенок, безмозглый и необузданный. Зато вспомнил об этом, когда он начал вдруг гарцевать, намереваясь меня сбросить. Я прикрикнул на него и пару раз шлепнул по шее, но это не помогло. Как бы я не натягивал вожжи, он дергал головой в сторону, и мне едва удавалось удержаться в седле. Ардан и еще один инквизитор, отправленные братом Рэми проверить, все ли в порядке в хвосте процессии,

заметили мои метания. Благо, они не решили, что это достаточно веселая забава, чтобы просто полюбоваться, а встали по обе стороны от меня, зажав строптивного Бела между своих лошадей.

— Какое-то время нам лучше ехать так, — сказал Ардан. — Но когда остановимся, займись своим конем. Лучше усмири его до Пудрофена, или там тебе придется купить другую лошадь. Сомневаюсь, что это тебе по карману.

Рыжий парень был со мной приветлив и терпим, и я только из чувства благодарности не стал говорить ему, что мне хватит денег на лошадь и, пожалуй, даже на две.

— Слушай, Ардан, — позвал инквизитор по имени Джон, едущий слева от меня, — а в Пудрофене к нам присоединятся братья?

— Ты хочешь кого-то пригласить? — усмехнулся рыжий.

— Просто мне кажется, пятнадцать наших ребят — это мало, — с сомнением протянул тот.

— Ну что ты, с нами же еще шраванцы, а с ними нам ничего не страшно, — насмешливо отозвался Ардан. — Чего ты хнычешь? Сейчас, хвала Пророку, не война. Что нам угрожает?

— Я не к тому, — покачал головой Джон. — Странно, что для такой великой миссии отпустили всего пятнадцать человек...

— Ну так пойд и скажи это брату Рэми, если

хочешь получить взбучку, — посоветовал рыжий.

Разговор их затих и не возобновлялся, но я всерьез задумался над тем, что услышал. В преддверии войны было неудивительно, что ни епископ, ни принц не решились отправить большее количество воинов на поиски Пророка. Но разве эти поиски не являются такими же важными, как оборона столицы? От успеха брата Рэми зависит, пойдут ли наши союзники против гофов, или мы останемся на растерзание северной империи. Пятнадцать человек — это действительно очень мало, даже если добавить к ним шестерых шраванцев, представительницу Совета Благостных и меня.

Неожиданно нам пришлось остановиться. Какой-то всадник, едущий навстречу, что-то крикнул брату Рэми. Нам, стоящим в задних рядах, ничего слышно не было, но, судя по всему, незнакомец сообщал нечто важное.

— Что-то случилось? — спросил Ардан, обращаясь к самому себе, поскольку никто из окружающих не смог бы дать ему ответ.

Рыжий парень направил свою лошадь вперед, желая узнать, в чем задержка. Мне тоже было интересно, что происходит. Бел подо мной еще больше разволновался, почувствовав, что вновь лишился контроля. Я строго прикрикнул на него и дернул поводья, но это никак не повлияло на

поведение животного.

— Планы меняются, — сообщил вернувшийся Ардан. — Едем в Крейдел.

— А что случилось? — спросил Джон.

— Всего час назад под одним из обозов обвалился мост, — сообщил рыжий и с мрачной усмешкой добавил, — повезло, что не под нами, да?

— Дурной знак, — хмуро буркнул второй и сплюнул.

Я умолчал, что верить в знаки служителю церкви не пристало, хотя подумал именно так. Было что-то настораживающее в том, что наше путешествие началось таким образом, но ведь можно было смотреть на это иначе: было бы хуже, если бы мост и впрямь рухнул во время нашей переправы. Крейдел — это небольшой городок, находящийся немного южнее. К нему мы выйдем, если воспользуемся другим мостом. Конечно, чтобы вернуться на главную дорогу, придется сделать крюк, но скорее всего, нас ожидает ночлег именно в Крейделе.

Мы добрались до развилки и свернули с широкой Стрелы на узкую объездную дорогу. Ардан вновь ехал сбоку от меня, помогая удерживать Бела, который то и дело показывал свой буйный нрав. Я не привык ездить в седле так долго, и конь мне попался не то, чтобы мечта наездника. В общем, солнце было еще только в зените, когда у

меня загудели мышцы. Каждый шнурок, каждая складка одежды причиняли мне боль и неудобство, заставляя мысленно оплакивать собственную спину и промежность. К моменту, когда перед нами появился мост, я готов был вывалиться из седла и весь оставшийся путь проделать пешком, даже если бы пришлось ползти на четвереньках.

В отличие от моста на главной дороге, этот был узким и хлипким. Переправляться по нему предстояло малыми партиями, пустив вперед груженные телеги. К моему невероятному счастью брат Рэми скомандовал всем спешиться. Я еле сдержал слезы облегчения, когда смог встать на твердую землю и растереть внутреннюю часть ног. Я огляделся в поисках Айры. С тех пор, как мы покинули город, я не видел ее. Сейчас же она стояла, придерживая свою лошадь под уздцы, и вертела в руках какой-то странный мешочек, не обращая ни на кого внимания. Я не стал тревожить ее разговорами.

— Спокойно, Бел, спокойно, — приговаривал я, переводя своего жеребенка-переростка через мост.

Кажется, несчастное животное было в панике. Клянусь, был бы он поменьше и поумнее, то попытался бы взобраться ко мне на руки. Мне достался не только глупый конь, но и трусливый. Что может быть лучше? Приходилось тянуть его,

прилагая немалую силу. Стоящие на противоположном берегу инквизиторы, наблюдающие за моими мучениями, принялись откровенно потешаться.

— Как думаете, кто из них кого тащит? — услышал я голос Тэда.

— Да ты глянь, — отозвался Оливер, — в глазах ужас, ноги трясутся, того и гляди обделается...

— Ты про коня или про пацана?

— А есть разница?

Я бы сейчас многое отдал за умение шраванцев хотя бы изображать равнодушие к чужим нападкам. К сожалению, я так не умел, а потому добрался до конца моста мокрый от пота, злой и невероятно уставший. Последние несколько шагов я практически тянул Бела на себе. Но стоило проклятому животному почуять под копытами землю, как он вновь принялся фыркать и брыкаться. Я настолько выдохся, пока его переводил, что у меня, кажется, не осталось сил, чтобы ехать на нем верхом.

— Бедные мальчики.

Я обернулся и увидел Айру. Она смотрела на меня и на Бела с одинаковым сочувствием.

— Если тебе его так жалко, может, отдашь мне свою кобылу, а его заберешь себе? — спросил я. Мой голос прозвучал грубее, чем стоило. Просто

еще никак не мог справиться со сбившимся дыханием.

— Моя лошадь такая же старая, как я, — улыбнулась Айра, будто и не заметила моего тона, — она не подойдет славному юноше.

— А этот подходит? — я вытер пот со лба и провел рукой по влажным волосам.

— Больше, чем ты думаешь, — усмехнулась она. — Вы очень похожи, и беда твоя в том, что ты теперь в вашей паре старший.

— В паре? — уточнил я.

— Конечно, — подтвердила она. — Наездник и лошадь должны быть едины, иначе это не имеет смысла.

Я покосился на своенравного коня и подумал, что с ним вся поездка не имеет смысла. В его глазах было желание сбросить меня при первой же возможности.

— Держи, — Айра протянула мне ту самую вещицу, которую вертела в руках.

Я с удивлением принял у нее из рук крошечный мешочек.

— Там немного трав, — пояснила она, — и ничего более. Но это верный способ приручить любое животное, даже такое своенравное. Конечно, это не значит, что тебе нужно забыть о терпении и мудрости, но все-таки помощь тебе не помешает.

Я с некоторым сомнением поглядел на

странный подарок, но нашел в себе силы поблагодарить ее. Незачем было сомневаться в умениях Айры, я прекрасно понимал, что церковь не стала бы держать при себе Совет Благостных, если бы в него входили беспомощные шарлатаны. Но я не очень доверял всем этим ведьмовским вещичкам. Наверное, немного боялся их. И все же я повесил мешочек на шею. Даже если это не поможет, то едва ли навредит.

— По коням! — скомандовал брат Рэми, когда последний из воинов перешел мост.

Я вставил ногу в стремя, подтянулся и уселся в седле. Бел уже привычно фыркнул и мотнул головой, будто говоря: «Первая же канава будет твоя». Не знаю, может, я просто устал или слишком жаждал поверить в чудо, но спустя какое-то время вдруг понял, что Бел везет меня прямо. По бокам не было инквизиторов, никто не помогал мне управлять им, но конь шел спокойно, как и все прочие. Я в недоумении обернулся к Айре и получил ответную улыбку. Поистине, она была могущественная ведьма, если заставила это бешеное животное превратиться в само воплощение покорности. Только теперь мне стало немного страшно от мысли, что усмирение лошадей — далеко не предел возможностей Айры.

Несмотря на то, что мое тело все еще немилосердно ныло после тяжелой поездки,